РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ

ТОМЪ СТО ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ

1876

ІЮНЬ

СОДЕРЖАНІЕ:

I. НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О НАШЕЙ СТАТИСТИКѢ ДВИЖЕНІЯ НАРОДОНАСЕЛЕНІЯ. С. П. Матвѣева.

II. ВОСПОМИНАНІЯ О КАМЧАТКѢ И АМУРѢ (1854—1855) Ю. Завойко.

III. ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ВОСТОКУ И СВЯТОЙ ЗЕМЛѢ ВЪ СВИТѢ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА ВЪ 1872 ГОДУ. Д. А. Скалона.

IV. ДИТЯ ДУШИ. Старинная восточная повѣсть. К. Н. Леонтьева.

V. МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ. Романъ. Книга четвертая. Гл. II—V. В. Г. Авсѣенка.

VI. ДВѢ СУДЬБЫ. Романъ Уилки Коллинза. Переводъ съ англійскаго. Гл. XXII—XXIV.

VII. ЕКАТЕРИНИНСКАЯ КОММИССІЯ 1767—1769. Гл. XI. П. Б. Бланка.

VIII. МЕЙРИМА ИЛИ БОСНЯКИ. Драма въ пяти дѣйствіяхъ Матіи Бана. Переводъ съ Сербскаго. П. А. К.

IX. СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ ВЪ ИХЪ СОВРЕМЕННОМЪ СОСТОЯНІИ. Р.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

КАКЪ МЫ ТЕПЕРЬ ЖИВЕМЪ. Романъ Антони Троллопа. Переводъ съ англійскаго. Часть третья. Гл. V—VII.

ВОСПОМИНАНІЯ

О КАМЧАТКѢ И АМУРѢ

(1854 — 1855)

I.

Вся моя молодость прошла въ далекихъ странахъ Сибири, куда въ давно прошедшее время и попасть нельзя было обыкновенными путями. Тысячу верстъ изъ Якутска въ Охотскъ приходилось ѣхать верхомъ, едва замѣтною просѣкой, съ цѣлымъ караваномъ, состоящимъ изъ всадниковъ и вьючныхъ лошадей. Ѣхали по дремучимъ лѣсамъ, по высокимъ горамъ, по топямъ, въ которыхъ иногда даже тонули лошади. Переѣзжали въ бродъ, а подъ часъ и вплавь большія, быстрыя рѣчки. Такимъ образомъ ѣхали цѣлый мѣсяцъ. Ночевали въ палаткахъ, которыя на ночь ставились, а на утро убирались во вьюки. Каждое утро, пущенныхъ съ вечера на пастбище лошадей ловили, сѣдлали и вьючили. Караванъ пускался въ дальнѣйшій путь. Питались, разумѣется, тѣмъ что̀ было съ собой взято. Жилья не встрѣчалось, развѣ кой-гдѣ берестовая якутская юрта.

По такимъ-то пустынямъ и первобытнымъ дорогамъ лежалъ путь къ берегамъ Восточнаго Океана. Къ этимъ-то величавымъ берегамъ хочу я на нѣсколько минутъ привлечь вниманіе читателя и подѣлиться воспоминаніями о событіяхъ

знаменательной эпохи, въ настоящее время почти изгладившихся изъ памяти, и, вѣроятно, весьма многимъ даже и вовсе неизвѣстныхъ. Испрашиваю заранѣе снисхожденія, такъ какъ никогда не готовила я себя къ авторской дѣятельности.

Внутри полуострова Камчатки встрѣчаются прелестные ландшафты: цѣль синѣющихъ горъ, идущая вдоль всего полуострова; роскошная зелень, богатая флора; большія прекрасныя озера среди зеленыхъ, покрытыхъ цвѣтами долинъ; бѣшено ревущія, быстрыя пѣнящіяся рѣчки; утесы, по которымъ цѣпляются рододендрумъ и другіе прелестные цвѣты. Все это поражаетъ своимъ величіемъ и представляетъ совершенно неожиданныя, живописныя картины.

Я ограничусь описаніемъ Петропавловска, и постараюсь изобразить его подробно, такъ какъ этого требуетъ мой дальнѣйшій разказъ.

Изъ Океана въ Авачинскую губу входятъ узкимъ проливомъ, окаймленнымъ съ обѣихъ сторонъ высокими скалами. Пройдя этотъ проливъ судно входитъ въ совершенно круглое, громадное озеро, болѣе ста верстъ въ окружности. Видъ величественный. Озеро это въ тихую погоду представляетъ совершенно гладкую поверхность, окруженную со всѣхъ сторонъ высокими горами, которыя спускаются къ заливу частью отвѣсными утесами, весьма разнообразной формы, частью пологостями, покрытыми свѣжею зеленью, кустарниками, лѣсомъ. На задней сторонѣ залива представляются ряды зеленѣющихъ и синѣющихъ горъ, громоздящихся одна поверхъ другой и оканчивающихся громадными конусами, бѣлыя вершины которыхъ высятся надъ облаками. Самыя высокія изъ нихъ: Коряцкая сопка, потухшій вулканъ, и Авачинская сопка, еще дѣйствующій, который по временамъ разнообразитъ картину, выкидывая черные клубы дыма и тѣмъ усиливаетъ грандіозный дикій видъ.

На сѣверной сторонѣ Авачинской губы, въ самой ея глубинѣ, находится малая бухточка, отдѣленная отъ Авачинской губы двумя высокими горами соединенными между собой узкимъ, но возвышеннымъ перешейкомъ. Сѣверная часть ихъ называется Никольская, южная оконечность Сигнальный Мысъ, защищающій малую бухточку. Никольская гора спускается узкою ложбинкой, въ которой расположенъ Петропавловскій Портъ. Эта ложбинка примыкаетъ къ противулежащей Петровской горѣ, составляющей матерой берегъ

большой Авачинской губы; на склонѣ горы продолжается городокъ въ видѣ бѣдныхъ обывательскихъ хижинъ и домиковъ, крытыхъ травой. Отъ Петровской горы къ Сигнальному Мысу идетъ низкая, каменная коса, оставляя у Сигнальнаго Мыса глубокій входъ въ малую бухту; она составляетъ собою какъ бы природный молъ, защищающій одну изъ лучшихъ гаваней земнаго шара. Здѣсь и зимуютъ суда. Волненія въ маленькой бухтѣ никогда не бываетъ.

На берегу бухты расположены казенные магазины и адмиралтейство, выйдя изъ котораго и идя вдоль ложбины по главной улицѣ, придешь въ ветхую церковь, единственную въ городѣ: это Петропавловскій соборъ. Ограда церкви и садъ губернаторскаго дома отдѣляются только улицей. Въ этомъ саду довольно высокія деревья; ихъ садила еще адмиральша Рикордъ, первая русская дама совершившая упомянутое выше дальнее странствіе. За губернаторскимъ домомъ, въ глубинѣ ложбины расположены казармы и офицерскіе флигеля. Это новая часть города, выстроенная по перенесеніи сюда Охотскаго Порта въ 1850 году.

За городомъ у подошвы Петровской горы лежитъ большое озеро. Никольская гора оканчивается у самаго берега этого озера крутымъ обрывомъ и косою, которая отдѣляетъ его отъ большой губы, а далѣе течетъ маленькая рѣчка, соединяющая его съ губою. Это озеро соленое. Вдоль большой губы идетъ опять гористый берегъ, поросшій мелкимъ лѣсомъ, свѣжею зеленью и цвѣтами; тутъ въ четырехъ верстахъ маленькое селеньице Сѣроглазка, и неподалеку отъ него хорошенькое мѣстечко—Свѣтлый Ключикъ, откуда видишь всю огромную бухту съ ея входомъ и величественными берегами. Въ двѣнадцати верстахъ, идя вдоль большой бухты, лежитъ селеніе Авача, за нимъ вдали виднѣется сопка Авача, наводящая нерѣдко своимъ подземнымъ грохотомъ невольный страхъ на окрестныхъ жителей. Прямо за озеромъ идетъ обширная долина, упирающаяся мысомъ въ море. Она поросла мелкимъ лѣсомъ и кустарникомъ и называется Калахтырскою долиной. Вотъ мѣстность Петропавловска.

Извѣстно что въ Камчаткѣ хлѣбъ не родится. Камчадалы питаются преимущественно рыбой, которая ловится только весною и лѣтомъ, хотя и въ неимовѣрно большомъ количествѣ. Кромѣ того они отличные охотники. Нерѣдко можно встрѣтить Камчадала который уложилъ на своемъ вѣку до

сорока медвѣдей; ихъ мясомъ они кормятся; жиромъ—освѣщаются. Это народъ не глупый, весьма добродушный и послушный, чему въ доказательство я приведу слѣдующій примѣръ. Ихъ главнѣйшее богатство составляетъ цѣнный соболь. Прежде они его били во всякую пору, не разбирая того времени когда матки щенныя; мой мужъ старался вразумить ихъ, какъ вредно для ихъ же интересовъ бить звѣря въ это время; они согласились и рѣшили никогда болѣе не бить соболей въ мартѣ и апрѣлѣ. Въ наше время они воздѣлывали овощи и картофель, который тамъ очень хорошо родится.

Такъ какъ суда съ провизіей приходятъ только лѣтомъ, то всѣ служащіе и обыватели закупаютъ провизію на весь годъ. Зимою приходитъ почта, но приноситъ только письма. Затѣмъ всѣ ожидаютъ вскрытія льда и прихода судовъ. Болѣе или менѣе начинаетъ чувствоваться недостатокъ; запасы истощаются. Въ лавкахъ въ апрѣлѣ, маѣ нѣтъ уже болѣе ни пшеничной муки, ни сахару, ни чаю, ни масла. Все это и у служащихъ на исходѣ; всѣ живутъ жалованьемъ. А кому изъ живущихъ на жалованье не извѣстно до какой степени тяжелы единовременныя большія выдачи. Я испытывала это всякій годъ моей жизни въ Камчаткѣ; семейство было у меня большое, и кромѣ того домъ губернатора въ дальней странѣ всегда былъ центромъ куда собирались и поплясать подъ звуки незатѣйливаго туземнаго оркестра, собирались и серіозно побесѣдовать, дѣлили хлѣбъ-соль...

Въ мартѣ 1854 года зимняя почта привезла извѣстіе о разрывѣ съ Турціей и о возможности войны.

Съ ранней весны закипѣла работа; воздвигались батареи: на Кошкѣ, на перешейкѣ, на Сигнальномъ Мысу; предполагались батареи: на Петровской горѣ, за кладбищемъ, на Красномъ Яру, на Косѣ, на берегу озера, для защиты отъ десанта. Шли разнообразные толки; были всевозможныя предположенія.

Море вскрылось и послало свои богатые дары.

Въ эту весну уловъ селедки былъ необыкновенный. Вода въ бухточкѣ казалась серебристою отъ множества рыбы. Закинувъ неводъ наполняли разомъ лодки двѣ или три. Мелкая рыба, селедка и корюшка—первая камчатская гостья; за ней изъ породы красной рыбы слѣдуетъ огромная и превосходная на вкусъ чавыча; потомъ нѣсколько различныхъ родовъ красной рыбы, схожей съ лососиной и семгой, идутъ

въ необыкновенномъ количествѣ въ продолженіи всего лѣта вплоть до осени. Началось заготовленіе ея на зиму, солка въ большихъ размѣрахъ.

Между тѣмъ всѣ, особливо же мы, женщины, съ невольнымъ трепетомъ посматривали на море. Придетъ ли запасъ муки? Не помѣшаютъ ли непріятельскія суда подвозу продовольствія? Поговариваютъ даже что раздачу ржаной муки придется ограничить, ежели къ 1му іюля не подойдутъ суда съ главнымъ продовольствіемъ. Что касается до такъ-называемыхъ предметовъ роскоши, сдѣлавшихся впрочемъ по привычкѣ для насъ необходимостью, то отъ многаго приходилось уже отказываться. Булки подаются лишь изрѣдка, какъ величайшее лакомство; сахаръ къ чаю дается въ прикуску, почти *въ наглядку.* Мои старшія дѣти отказываются отъ своего кусочка и берегутъ его для младшихъ или больныхъ.

По обыкновенію въ маѣ ушли транспортныя суда на Амуръ и на Аянъ. Опустѣло въ портѣ. Команды осталось не много, но работа по устройству батарей шла дѣятельно, въ перемежку съ военными ученіями. Туземные жители и жительницы порта ничего подобнаго еще не видали. Потому при всякомъ удобномъ случаѣ все народонаселеніе маленькаго городка, и дамы, и женщины, и дѣти и старики, идутъ смотрѣть воздвигающіяся батареи и пушки, кажущіяся по своей величинѣ чуть не чудомъ.

Наконецъ, послѣ долгаго ожиданія сигналъ: на Бабушкѣ дымъ. Бабушкой называется утесъ у входнаго мыса, на которомъ устроенъ маленькій обсерваціонный пунктъ. Когда оттуда завидятъ судно, сейчасъ разводятъ костеръ. Потомъ даютъ знать, по условнымъ сигналамъ, какой націи принадлежитъ судно, сколько мачтъ, торговое или военное и т. д. до малѣйшей подробности.

У всѣхъ насъ невольно дрогнуло сердце! Въ этомъ году всякій разъ дымъ на Бабушкѣ приносилъ съ собою мучительную тревогу.

Узнали наконецъ что идетъ корветъ *Оливуца*, принадлежавшій къ Камчатской флотиліи и бывшій въ то время при эскадрѣ адмирала Путятина. Почты изъ Россіи на немъ не было; только увѣдомленіе отъ адмирала о вѣроятности войны и частные разказы о Синопской битвѣ; газетъ также не было.

Предстоящая война и извѣстіе о побѣдѣ возбуждали болѣе и болѣе бодрый, воинственный духъ этой малой горсти людей. Кромѣ того всѣ радовались свиданію съ сослуживцами, съ добрыми знакомыми, съ близкими родными.

Радость оживила все заброшенное населеніе; хотя провизіи не прибавилось, но лѣтнее изобиліе рыбы (это было въ концѣ мая), устраняло настоящую нужду; къ мелкимъ же лишеніямъ всѣ попривыкли.

Воспользовавшись теплою, весеннею, тихою погодой (что̀ не часто бываетъ въ Камчаткѣ, гдѣ преобладаетъ туманъ и сырость), отправилось большое общество, офицеры, мое семейство и нѣсколько дамъ съ дѣтьми, къ Свѣтлому Ключику пить чай. Лѣтомъ въ Камчаткѣ экипажей нѣтъ; всѣ шли пѣшкомъ; чай съ его весьма скромными принадлежностями принесли въ корзинахъ. Усѣлись на лужайкѣ подъ развѣсистыми березками; шиповникъ въ цвѣту наполняетъ своимъ ароматомъ воздухъ, вездѣ пестрѣютъ цвѣты. Сзади торчитъ снѣжная верхушка Авачи; впереди огромнымъ зеркаломъ блеститъ круглая бухта, оцѣпленная горами, и виднѣется ея таинственный входъ; подлѣ бьетъ прозрачный ключикъ.

Напились чаю, наболтались, нашутились; въ дружескомъ обществѣ, веселая шутка не заставляетъ себя ждать. Дѣти бѣгаютъ, прыгаютъ какъ козлята; покуда они не знаютъ ни заботъ, ни тревогъ. Бѣдный людъ на Руси богатъ дѣтьми. Я сама тому живой примѣръ: у меня ихъ выросло десятеро; а въ моей длинной, длинной жизни я не испытала еще что̀ значитъ жить и не ломать себѣ постоянно голову: какъ бы тутъ, какъ бы тамъ урѣзать чтобы свести концы съ концами. Въ Камчаткѣ со всѣми семействами было то же. Да и на Руси и, пожалуй, на всемъ свѣтѣ, это обыкновенная участь многосемейныхъ, съ весьма немногими исключеніями.

Общій разговоръ невольно склонился на возможность прихода непріятеля; тогда составлялись предположенія что они пришлютъ судна два, три. Черезъ китоловныя суда, хорошо извѣстна была вездѣ малочисленность народонаселенія Петропавловска. Много говорилось объ этомъ, даже старшія дѣти притихли и ловили слова. Между прочимъ рѣшили, если будетъ бомбардировка, то выслать вонъ изъ города всѣхъ женщинъ и дѣтей. Меня съ дѣтьми и другую даму, Губареву,

у которой ихъ было шестеро, положили отправить на ея хуторъ, верстъ двадцать за селеніемъ Авача; тамъ были домики, а съ крошечными дѣтьми подъ открытымъ небомъ, ночью—плохо. Рѣшили осудить себя на всевозможную экономію: неизвѣстно было, придутъ ли торговыя суда, подвезутъ ли провизію. Возвращаясь домой, забыли, впрочемъ, серіозные разговоры, и вновь веселыя шутки и пѣсни огласили воздухъ.

Мое время почти все принадлежало дѣтямъ. Имъ я давала уроки, съ ними играла, гуляла, болтала. Вотъ сидимъ мы подлѣ памятника Беринга у насъ въ саду, на лужайкѣ; по ней маленькимъ каскадомъ течетъ ключикъ; это наше любимое мѣстечко. Съ нами старикъ Кирилло, бывшій деньщикомъ мужа еще прежде чѣмъ я вышла замужъ, а съ тѣхъ поръ спутникъ всѣхъ моихъ странствованій: на его рукахъ росли дѣти, и мальчики и дѣвочки; у него были ключи отъ всѣхъ годовыхъ запасовъ, которые онъ берегъ больше жизни. Это типъ вымершихъ слугъ былаго времени; мы на него смотрѣли какъ на роднаго; онъ давно умеръ старикомъ лѣтъ подъ 70, и я до сихъ поръ вспоминаю его какъ добраго друга.

— Собаки-то у насъ все воютъ, да воютъ, говоритъ Кирилло,—а судно таки не идетъ, вѣдь мука да сахаръ насъ скоро на мель посадятъ!

По туземному повѣрью собачій вой—предвѣстникъ судна.

— Ну, собаки твои неправду говорятъ, Кирилло, они все воютъ, замѣчаетъ мой старшій сынъ.

Въ Камчаткѣ у самаго бѣднаго хозяина собакъ до двадцати; онѣ всегда на привязи, и по нѣскольку разъ въ день поднимаютъ свой концертъ; онѣ тамъ вовсе не лаютъ, ихъ вой обыкновенная камчатская музыка.

Но вотъ сигналъ; все всполошилось. Дѣти со своимъ старымъ дядькой стремглавъ полетѣли въ портъ, узнать какія вѣсти. Вѣтеръ спалъ, сдѣлался мертвый штиль и ночь покрыла своимъ мракомъ все и всѣхъ.

Ничего не извѣстно.

На утро сигналы привели всѣхъ въ недоумѣніе: было видно судно неизвѣстное нашимъ часовымъ; подумали не непріятельское ли судно.

День былъ лѣтній, теплый, солнечный... Ударили примѣр-

ную тревогу, и маленькій отрядъ, къ которому присоединились вѣстовые, писаря, разночинцы, чиновники, даже мирные обыватели, мѣщане, купеческія дѣти, браво проходилъ по большой Камчатской улицѣ на ученіе съ пѣснями.

Всѣ вышли къ адмиралтейству, и дамы, и дѣти, и бабы и ребятишки. Всѣ обращались ко мнѣ съ вопросомъ, что̀ дѣлать? „Подождемъ, и если удостовѣримся что это непріятель, то пойдемъ на Калахтырку, на хуторъ. Теперь еще подождемъ.“ Прошло еще часа три томительной неизвѣстности. Наконецъ узнали что идетъ русскій военный фрегатъ. О, какъ всѣ ему обрадовались! Это родной, русскій, изъ далекой, но всѣмъ милой родины. Вотъ онъ входитъ при тихомъ вечернемъ вѣтеркѣ. Въ Камчаткѣ давно-давно не видали такого большаго судна, да вѣдь тамъ все было въ диковинку. Поѣхалъ туда офицеръ и чиновникъ. Убили быка, повезли свѣжинки дорогимъ гостямъ.

Узнали что это фрегатъ *Аврора*; онъ стоялъ въ Калао вмѣстѣ съ англо-французскою эскадрой; тамъ ожидали съ часу на часъ извѣстія о разрывѣ. И фрегатъ, снявшись въ Калао съ якоря, во избѣжаніе встрѣчи съ многочисленнымъ непріятелемъ, не заходя никуда, нигдѣ не запасаясь провизіей, молодецки совершилъ свой длинный переходъ и пришелъ въ Петропавловскъ 19го іюня.

Слѣдующій день было воскресенье; у насъ обѣдали офицеры. Пришедшихъ издалека сослуживцевъ встрѣчаешь какъ родныхъ, и тутъ скоро перезнакомились и сблизились. И я по крайней мѣрѣ вспоминаю Аврорцевъ какъ близкихъ, да и они, полагаю, лихомъ насъ не помянутъ.

Между тѣмъ опять сигналъ: судно въ морѣ. Отправились на сигнальный мысъ гулять и любоваться красивою мѣстностью. Наконецъ узнали что идетъ судно, давно желанное, давно ожидаемое судно Русско-Американской компаніи, съ провизіей и почтой. Вы, которые досадуете что почта опоздала день-два, вообразите чувство съ которымъ ее получаешь послѣ шести мѣсяцевъ.

Съ приходомъ судовъ все оживилось, все бѣгало, покупало кому насколько позволяли средства. Хотя судно *Камчатка* привезло муки и не въ достаточномъ количествѣ на цѣлый годъ для продовольствія увеличившагося народонаселенія, но пріободрившись тѣмъ что опасность голода отдалилась, мы не унывали. Корветъ *Оливуца* ушелъ на Амуръ. Фрегатъ,

утомленный тяжелымъ переходомъ, долженъ былъ отдохнуть. Работа кипѣла на батареяхъ и вездѣ въ портѣ. Мужа я, съ нашимъ переселеніемъ въ Камчатку, привыкла видѣть только за обѣдомъ; онъ былъ вездѣ самъ, и все дѣлалось подъ его личнымъ надзоромъ и по его иниціативѣ. Батареи росли какъ по волшебству; батарея на Косѣ неимовѣрно скоро одѣлась крѣпкимъ брустверомъ. Готовили помѣщенія для фрегатской команды и офицеровъ. Эти помѣщенія надо построить—400 человѣкъ прибавилось, а это не шутка тамъ гдѣ всѣ помѣщенія были разчитаны всего-на-всего человѣкъ на 400.

Пришло тѣмъ временемъ и американское торговое судно, и на немъ пришло извѣщеніе о томъ что война объявлена. Ко всему человѣкъ привыкаетъ, и къ мысли о военныхъ дѣйствіяхъ привыкли. Всѣ жители пошили себѣ палатки. Торговое компанейское судно ушло.

Наконецъ пришелъ нашъ большой транспортъ *Двина*, привезъ 300 человѣкъ солдатъ, военнаго инженера и формальное извѣстіе что объявлена война.

Еще болѣе все оживилось: какъ бы по волшебству выростали новыя батареи; построили батарею на перешейкѣ; на Красномъ Яру, насупротивъ Сигнальнаго мыса; впереди города на Петровской горѣ; подлѣ Никольской горы, на Кошкѣ, и небольшую батарейку на берегу озера. Такъ какъ по предположенію фрегатъ долженъ былъ стоять однимъ бортомъ ошвартовавшись, то съ другаго борта сняли пушки для батарей, потому что присланныхъ года за два предъ тѣмъ было далеко недостаточно чтобы вооружить всѣ укрѣпленія.

У насъ всегда собиралось большое общество. Особенно весело было когда собирались къ ужину. Вѣроятно, многіе изъ бывшихъ тогда у насъ помнятъ тотъ звонкій смѣхъ который такъ заразительно раздавался и которому такъ дружно, беззаботно вторили.

Вскорѣ послѣ прихода *Двины* были собраны въ одно праздничное утро на площадь всѣ команды. Прочитали имъ объявленіе войны, потомъ былъ прочитанъ приказъ губернатора (мужа), который самъ послѣ того увѣщавалъ всѣхъ сражаться до послѣдней крайности; если же вражеская сила будетъ неодолима, то умереть не думая объ отступленіи. Всѣ выразили готовность скорѣе умереть, чѣмъ отступить. Послѣ чего служили молебенъ.

Помню я одинъ веселый праздничный день. Все общество

собралось у насъ... Дамъ было немного, были онѣ по большей части туземныя, то-есть дочери священниковъ, штурмановъ, здѣсь родившіяся, здѣсь воспитанныя. Изъ пріѣзжихъ петербургскихъ была только одна, супруга судьи. Молодая, образованная, хорошенькая собой, она была нашимъ первенствующимъ свѣтиломъ, о ней вздыхали, съ ней стремились танцовать, въ честь ея писали стихи. Была жена правителя Русско-Американской Компаніи, молоденькая особа, выросшая въ Ситхѣ, и ея сестра, дѣвица, которая принадлежала также къ числу нашихъ образованныхъ дамъ. Были три дѣвицы сестры штурманскихъ туземныхъ офицеровъ, танцующія дѣвицы, выучившіяся этому искусству, разумѣется, въ Камчаткѣ. Не буду распространяться о другихъ, многія изъ нихъ были уже не молоды и обременены большими семействами. Въ то время въ числѣ пріѣзжихъ моряковъ женатыхъ не было. Танцовало у насъ паръ до шестнадцати и болѣе. Танцовали очень весело. Спасибо молодежи, требовательна она не была, довольствовалась тѣмъ что̀ есть.

Въ этотъ вечеръ сперва катались по губѣ въ катерахъ. Вотъ всѣ катера сошлись вмѣстѣ, держась близко другъ подлѣ друга; и послѣ нѣсколькихъ тостовъ, раздались стройные хоры веселыхъ пѣсенъ, и шумный, оживленный говоръ. Окончили тостами по случаю ожиданія непріятеля, и вслѣдъ затѣмъ запѣли народный гимнъ: *Боже Царя храни*, стройно, звучно, съ видимымъ чувствомъ и одушевленіемъ. За тѣмъ громкое, оглушительное *ура!*

День завершился веселыми танцами подъ звуки нашего оркестра, у котораго и кадриль, и мазурка, и вальсъ, и галопъ, все немножко сбивается на мелодію: *Чижикъ, чижикъ гдѣ ты былъ!* Полька tremblant еще не дошла до Камчатки, и нѣкоторые изъ Аврорскихъ офицеровъ старались научить нашихъ отсталыхъ этому танцу, что̀ частью и увѣнчалось успѣхомъ.

Послѣ веселаго вечера пошли рабочіе дни. Собирались у насъ къ обѣду и къ ужину. Обѣдъ всегда проходилъ второпяхъ, всякій былъ озабоченъ своимъ дѣломъ; но ужинъ за то всегда бывалъ необыкновенно оживленъ и веселъ. Молодежи было много; славная, веселая, простая была молодежь, какая бывала въ прежніе годы во флотѣ. Говорю о прежней, потому что я ее знавала хорошо и помню до сихъ поръ. Начало августа было холодное, сырое, туманное. Все закрыто

UNIVERSITY OF
ILLINOIS LIBRARY

сѣрою пеленой, не видать даже входа. Но вотъ прочистилось. Сигналъ: судно въ морѣ. Оно вошло. То было зафрахтованное Россійско-Американскою Компаніей судно *Магдалина*. Оно шло прямо изъ Гамбурга, не заходя рѣшительно никуда чтобы не попасться непріятелю. Оно привезло драгоцѣнную для насъ муку и чай. Всѣ опасенія устранены. Хлѣба довольно, голодать не будемъ.

Во время веселыхъ ужиновъ предположено было разъиграть любительскій спектакль; за эту мысль ухватились съ восторгомъ. Стали перебирать пригодныя для того піесы; говорили, спорили объ этомъ предметѣ съ увлеченіемъ. 15го августа рѣшили прочесть *Ревизора*; на немъ послѣ долгихъ, шумныхъ обсужденій и остановились. Собрались большимъ обществомъ офицеры, чиновники и тѣ изъ дамъ которыя соглашались участвовать въ спектаклѣ. При чтеніи было много веселыхъ, шумныхъ сужденій и шутокъ; распредѣлили роли; всѣ остались весьма довольны. Назначили даже на главныя роли по два кандидата, говоря: убьютъ одного, другой замѣнитъ.

Развлеченіе необходимо въ такой пустынѣ; но не суждено было исполниться этому веселому предпріятію.

II.

17го августа утромъ мои старшія дѣти, Жоря 12, Степа 10 лѣтъ, принялись со мною за урокъ исторіи; Паша, 8 лѣтъ, занимается чистописаніемъ; Маша и Катя, 7 и 6 лѣтъ, шьютъ подлѣ меня. Гувернантки у меня нѣтъ, и дѣти всегда со мною. Вотъ выставляется въ дверь старая голова Кириллы съ таинственнымъ шепотомъ:

— Сударыня, судно въ морѣ.

Кто бы это могъ быть? Неужели непріятель!

— Маменька, душенька, позвольте намъ идти въ садъ; отъ Берингова памятника виденъ Сигнальный мысъ, мы увидимъ всѣ сигналы; а вѣдь у меня и сигнальная книжечка вся срисована, заговорилъ живой, дѣятельный Жоржъ,—пойдемте съ нами, мы тамъ все узнаемъ и въ портъ нечего бѣгать; мы послѣ обѣда нагонимъ урокъ.

Всѣ пошли. Чрезъ нѣсколько минутъ сигналъ: непріятельская эскадра.

Не могу выразить страшнаго чувства стѣснившаго мое сердце при этомъ извѣстіи и парализовавшаго всѣ мои силы, всю способность дѣйствовать.

Дѣти растерянно бѣгали взадъ и впередъ. Кирилло стоялъ подлѣ и усиленно сморкался. Въ трудныя минуты я привыкла молиться; теперь не могла. Мысли замерли. Я сидѣла на своей скамейкѣ не шевелясь, не думая ничего, не слыша ничего, почти потерявъ сознаніе.

Прибѣжалъ мой двоюродный братъ.

— Гдѣ Василій Степановичъ?

— Въ портѣ, ему теперь некогда, онъ придетъ къ обѣду.

— Правда ли что непріятель идетъ?

— Правда; мужайтесь, пора дѣйствовать.

Его нѣсколько неподвижное лицо не было блѣднѣе обыкновеннаго, только губы немножко сжались, да глаза приняли необычный блескъ.

— У васъ на рукахъ девять человѣкъ малъ-мала меньше, не забывайте ихъ.

Я пошла въ свою комнату, и тамъ предъ моимъ благословеннымъ образомъ просила той силы, которой не чувствовала въ себѣ.

Чрезъ нѣсколько минутъ старикъ Кирилло, я, старшія дѣти, мои женщины, мой пьяненькій поваръ, стали переносить всѣ наши драгоцѣнные годовые запасы: муку, сахаръ, чай, масло, кофе, вино, бѣлье и все что̀ въ такой большой семьѣ необходимо и укладывать все это въ овощной погребъ въ саду; онъ глубоко заваленъ землею, и мы считали тутъ свое имущество безопаснымъ отъ бомбъ и пожаровъ. Рукъ для помощи у насъ не было; деньщики и вѣстовые были расписаны по мѣстамъ, и уже ушли.

Собрались всѣ къ обѣду; когда пришелъ мужъ, онъ сейчасъ же спросилъ меня:

— Убрались ли?

— Почти, отвѣчала я.

— Послѣ обѣда ты съ дѣтьми пойдешь вмѣстѣ съ Губаревой на Авачу; оттуда Мутовинъ перевезетъ васъ на хуторъ.

— Нельзя ли мнѣ остаться на Калахтыркѣ? это ближе.

— Нельзя, мы дѣтей переморимъ въ сырости.

— Ну, хоть на Сѣроглазку?

— Мѣста тамъ мало, и лучше помѣстить туда такихъ у

кого не много ребятишекъ. Надо идти на хуторъ. Здѣсь бомбами можетъ разрушить дома, мы не имѣемъ права подвергать дѣтей ненужной опасности.

Сѣли за столъ. Вѣстовыхъ уже не было, подавалъ старикъ Кирилло. Женщины изъ прислуги толкались безъ дѣла, безъ мысли, со стономъ и оханьемъ, подъ часъ съ причитываньемъ. Маленькія дѣти были оставлены на произволъ; добрый А. П., только пришедшій на *Аврорѣ*, но несмотря на кратковременное знакомство, душевно съ нами сдружившійся, занимался съ дѣтьми и шутилъ съ ними. Вообще за обѣдомъ шутили и болтали.

— Кушайте, кушайте дѣти; вѣдь надо двѣнадцать верстъ пѣшкомъ идти; устанете, силъ не хватитъ, говорилъ отецъ.

Но несмотря на эти увѣщанія, кусокъ положительно въ горло не шелъ. Старшія дѣти привыкли дѣлить все съ родителями, и они не ѣли и украдкой глотали слезы.

Встали изъ-за стола, распростились съ добрыми друзьями и близкими, съ которыми такъ дружно жили. Молчаливыя слезы текли по личикамъ дѣтей. Но вотъ настало еще болѣе мучительное прощаніе. Дѣти зарыдали въ голосъ. Отецъ благословилъ ихъ, сказавъ каждому свой завѣтъ; старшимъ онъ говорилъ:

— Будьте честными слугами Царя и отечества. Не забывайте что вашъ отецъ готовится положить за него жизнь!

Съ молодыхъ лѣтъ онъ службѣ посвящалъ всѣ силы, и готовясь къ смерти, передавалъ этотъ завѣтъ дѣтямъ. Простились и мы.... Дружно провели мы всю молодость въ пустынѣ, среди заботъ и лишеній.

Вдругъ раздался болѣзненный, пронзительный вопль Жори:

— Маменька, оставьте меня съ папенькой, вѣдь онъ остается одинъ, одинъ... Съ вами всѣ восемь. Оставьте меня съ нимъ; я умру подлѣ него.

— Другъ мой, отвѣчаетъ отецъ,—меня долгъ призываетъ умереть, а тебѣ, дитя мое, какъ старшему, я поручаю маму, сестеръ и братьевъ. Изъ любви ко мнѣ иди съ ними, заступи мое мѣсто, береги ихъ.

Мальчикъ умолкъ.

Пора! Намъ предстоитъ двѣнадцать верстъ ходьбы; лѣтомъ экипажей у насъ нѣтъ. Намъ въ помощь остался, кромѣ моего Кириллы, старикъ Камчадалъ Дурынинъ, случившійся на

ту пору въ городѣ. По уходѣ мущинъ Кирилло сталъ меня торопить уходить скорѣе. Онъ заберетъ все нужное и догонитъ насъ.

Вышли мы изъ нашего дома, спустились съ нашей горки— нашъ домъ расположенъ былъ на склонѣ, у самой подошвы; помолились на церковь; и тутъ же на перекресткѣ присоединились къ намъ товарищи нашего бѣгства, Губарева съ шестью дѣтьми; къ нимъ на хуторъ шли мы и г-жа Клингенъ съ двумя дѣтьми. Мы были съ нею очень дружны, и я, зная до какой степени она труслива и непрактична, пригласила ее идти съ нами чтобы поддержать ее и помочь ей. Губарева же была очень практичная и смѣтливая барыня, она мнѣ была весьма полезна. Всѣ шли молча и плакали, кто съ узломъ, кто съ ребенкомъ на рукахъ. Старшія дѣти шли кучкой молча; наши и Губаревскія подходили по лѣтамъ другъ къ другу. Дорогу сильно разгрязнило; предъ тѣмъ шли продолжительные дожди. Идти трудно, скользко. Надо то подниматься на гору, то спускаться. Мои старшіе мальчики берегутъ меня какъ взрослые; поддерживаютъ, ведутъ подъ руку.

— Вотъ пароходъ входитъ, воскликнула Губарева, взобравшись первая на гору, по которой съ трудомъ карабкались всѣ остальные. Съ оханьемъ шли старухи няни съ малютками на рукахъ; у меня ноги такъ и расползались, ходить бойко я и смолоду горазда не была. Всѣ собрались вокругъ нея, и слѣдили глазами по тому направленію куда она указывала. Изъ всѣхъ насъ, кромѣ меня, никто не видывалъ парохода, и мои спутницы выказали не мало удивленія: какъ это при совершенномъ штилѣ, труба дымитъ, судно двигается... Несмотря на любопытство и удивленіе, у всѣхъ сжалось сердце, брызнули слезы.

— А что̀, спросила меня Губарева, — ежели онъ станетъ палить въ нашу сторону, попадетъ онъ въ насъ?

Теперь на̀ подобный вопросъ я навѣрно отвѣтила бы отрицательно; впрочемъ я въ этомъ судья не компетентный, тогда же сказала на удачу: „быть-можетъ“.

Въ ту пору моимъ товаркамъ казалось что насъ заберутъ въ плѣнъ; теперь это смѣшно: завидная, подумаешь, добыча— чуть не двадцать ребятишекъ... Но тогда мы рѣшили, ежели суда войдутъ въ бухту, то мы на Авачѣ не останемся на ночь; селеніе расположено на низменномъ берегу большой

губы; обогрѣемся только, обсушимся, накормимъ дѣтей, и пойдемъ на *батахъ* вверхъ по рѣкѣ Авачи, ночевать будемъ въ лѣсу.

— Смотрите, продолжала Губарева, — вонъ во входѣ виднѣется какое огромное судно. Идемъ далѣе. Молча продолжали мы свой тяжелый, утомительный путь. Бѣдная гжа Клингенъ, не привычная къ ходьбѣ, плакала и приходила въ отчаяніе. Мы всѣми силами старались ободрить ее. Для меня личное, настоящее не существовало, все дѣлалось машинально, подъ вліяніемъ необходимости. Была одна только живая, жгучая мысль: сохранитъ ли Богъ мужа. Рѣчки мы переходимъ въ бродъ, на ногахъ якутскія сары; хотя онѣ и не промокаютъ, но ноги болятъ и сильно устали. Остановились на Сѣроглазкѣ, накормили малютокъ, немножко передохнули— и опять въ тяжелый путь; солнце уже спускается на горизонтѣ, а идти еще далеко.

Послѣ долгой тяжелой ходьбы вошли мы на мысокъ къ Авачѣ; давно уже няни стонутъ отъ усталости; матери взяли у нихъ крошекъ, и несутъ сами еле передвигая ноги. Смотримъ на бухту—судовъ нѣтъ. Смеркается. Спустились на Кошку. Вонъ и нашъ старикъ Кирилло выѣзжаетъ изъ кустовъ, утирая потъ съ лица, и поддерживаетъ верхомъ наложенный возъ, который съ трудомъ тащитъ измученная лошаденка.

— Господи, Боже мой! Да какъ это ты, голубчикъ Кириллушка, тутъ съ цѣлымъ-то возомъ проѣхалъ? спрашиваетъ Губарева:—И пѣшкомъ-то еле продерешься, да и скользко по горамъ, не приведи Господи.

— Почитай на себѣ тащилъ; да вѣдь и кушать-то всѣмъ надо, да и малюточкамъ-то хоть подушки захватить надо. А долго ль супостатъ-то простоитъ, Богъ вѣдаетъ. Умаялся крѣлко, да все привезъ что̀ нужно, слава Тѣ Господи.

Добрая ты душа, старый, вѣрный другъ! Никакіе труды не были тебѣ страшны для твоихъ господъ, для милыхъ дѣтей, выросшихъ на твоихъ старыхъ рукахъ!

Пришли наконецъ усталыя странницы; въ маленькой хижинкѣ недостаточно лавокъ чтобы всѣмъ усѣсться. Принесли сѣна. Усадили и уложили усталыхъ дѣтей, расправили наболѣвшіе члены. Маленькій Вася, четырехъ лѣтъ, шелъ все время пѣшкомъ: идти на руки казалось унизительнымъ для четырехлѣтняго самолюбія. Разгрузилъ свой возъ добрый

старикъ. Напоили дѣтей чаемъ, накормили ихъ, и скоро они заснули безмятежнымъ сномъ на сѣнѣ, въ тѣсной избушкѣ.

Не спали мы, матери, выходили безпрестанно изъ хижинки. Высматривали, прислушивались; чего не перечудилось намъ въ эту ночь! Чего мы не передумали! Все тихо, только слышится тихій плескъ прилива у берега, мѣрное журчаніе волны; да вотъ затянула свой жалобный вой собака, и тутъ, и тамъ, и сямъ, и вездѣ подхватили и затянули свой плачевный концертъ. Смолкли. Тихо. Вотъ будто дѣтскій плачъ — то стонетъ проснувшаяся спугнутая чайка, уныло, протяжно. Смолкло, стихло.

Не хотѣлось мнѣ идти далѣе; страшно въ такую минуту оставлять мужа; еще съ вечера отправила я обратно лошадь въ портъ и просила старика-крестьянина снести мою записку къ мужу. Часа въ три ночи онъ принесъ мнѣ въ отвѣтъ слѣдующую записку отъ мужа:

„Непріятель поднялъ американскій флагъ. Всего шесть судовъ: четыре фрегата, пароходъ и бригъ. Богъ за правое дѣло: мы ихъ разобьемъ. Кто останется живъ, про то Богъ знаетъ. Но мы веселы и тебѣ желаемъ не скучать. Останусь живъ —увидимся, не останусь—Богъ такъ велѣлъ. Царь дѣтей не оставитъ, а ты сохрани ихъ чтобъ они были люди честные и служили отечеству. Вамъ необходимо удалиться на хуторъ; съ Авачи всѣ уйдутъ и скотъ угонятъ. Прощай; если Богу угодно не дать намъ свидѣться, то вспомни что и жизнь долга ли? Рано ли, поздно ли придется разстаться.“

Дѣтей подняли чуть свѣтъ; ихъ напоили чаемъ, надо было предпринимать дальнѣйшее путешествіе. Заливчикъ, или лучше сказать устье рѣчки Авачи такъ мелко что во время отлива даже и *батъ* не можетъ пройти по немъ. Приходилось ѣхать очень рано.

Что̀ такое *батъ?* Первобытная лодка или огромное корыто, выдолбленное изъ одного тополя и заостренное съ обоихъ концовъ. Нѣтъ ничего непріятнѣе путешествія въ батѣ: сидишь на днѣ, вытянувъ ноги, неподвижно; онъ такъ валокъ что того и гляди перевернешься. По быстрымъ рѣкамъ идутъ вверхъ опираясь шестами; иной разъ, если быстрота не очень сильна, гребутъ.

Въ губѣ еще тихо, пустынно, судовъ не видать. Пошли мы съ Губаревой искать по деревенькѣ батовъ чтобъ ѣхать далѣе. Съ трудомъ нашли четыре бата и восемь человѣкъ гребцовъ-крестьянъ для переѣзда на хуторъ. Сговорились. Наконецъ-то удалось разсадить въ эти баты все маленькое

народонаселеніе. Отправились. Скрылась Сигнальная гора за лѣсистыми зелеными берегами рѣки Авачи. Ужасенъ былъ этотъ мигъ: тамъ оставалось все счастіе! А что̀ впереди?

Медленно, утомительно, грустно было это путешествіе. Вообще подыматься по быстрой рѣчкѣ трудно. Послѣ двухчасоваго пути остановились у островка чтобы хоть нѣсколько расправить члены отъ неподвижнаго положенія. Наконецъ послѣ долгаго пути маленькое общество пріѣхало въ хуторъ. У Губаревой былъ свой домъ. Я и Клингенъ расположились въ домикѣ отставнаго унтеръ-офицера старика Мутовина. Домъ изъ двухъ маленькихъ комнатокъ, на подобіе нашихъ крестьянскихъ малороссійскихъ хатъ. И за то слава Богу, не подъ открытымъ небомъ.

Вскорѣ по пріѣздѣ нашемъ на хуторъ пришли туда крестьяне съ Авачи и разказывали что непріятельская эскадра вошла въ числѣ шести большихъ судовъ, что съ судовъ и съ берега палили. Впрочемъ день прошелъ тихо. Долго я со всѣми дѣтьми молилась, просила помощи, силы. Не описать того что̀ тогда происходило въ моей душѣ. Наступилъ вечеръ, постлали досокъ, устроили что-то въ родѣ наръ, постлали сѣна и уложили дѣтей.

Тихо все вокругъ, глухая ночь. Вдругъ конскій топотъ, говоръ многихъ людей... Всѣ вскочили, переполошились; то были русскіе матросы, жившіе на рыбной ловлѣ, на угольныхъ ямахъ; они торопились въ портъ, сражаться, умирать. На другой, на третій день проходили мимо хутора баты нагруженные Камчадалами; вооруженные винтовками они бодро шли встать противъ регулярнаго англо-французскаго войска.

19го августа день тянулся тихо, къ вечеру пришелъ старичокъ-казакъ Константиновъ изъ порта; я его еще съ вечера туда посылала за извѣстіями. Онъ привезъ записку отъ мужа. Вотъ выписка изъ письма:

„Мы полагали что непріятель, придя съ такими превосходными силами, сейчасъ же сдѣлаетъ нападеніе. Не тутъ-то было. По всей вѣроятности, онъ насъ считаетъ гораздо сильнѣе. Это даетъ намъ полную надежду что съ Божіей помощью выйдемъ съ честью и славой изъ этой борьбы. Жаль, попался Усовъ съ баркасомъ, съ кирпичами, шедшими съ кирпичнаго завода; но кирпичъ еще не трофей. Не

безпокойся, молись Богу, береги дѣтей. Мы помѣнялись выстрѣлами, но ихъ бомбы и ядра покуда были къ намъ вѣжливы.“

За ночь предъ тѣмъ пришла мать Губаревой со своимъ скотомъ, пришелъ портовой скотъ, нашъ еще не приходилъ. Каждаго посланнаго много разспрашивали. Такъ узнавъ что нашъ поваръ неисправенъ, я отправила въ портъ свою женщину Харитину. Губарева отправила свою мать. Разказывали что всѣ жители зарыли свои запасы въ землю и ходятъ кто на Калахтырку, кто на Сѣроглазку, но какъ это не далеко, то на ночь часто возвращаются домой.

20го августа небо было совершенно ясно, солнце ярко свѣтило. Поднялись съ тоской неизвѣстности въ сердцѣ. Вдругъ раздался какой-то странный, неявственный гулъ. Я вышла изъ домика. Старикъ Мутовинъ, налаживавшій сѣти, вдругъ все оставилъ и припалъ ухомъ къ землѣ.

— Что̀, Мутовинъ, палятъ?

— Палятъ. Прилягте. Слушайте какъ земля дрожитъ и стонетъ, стонетъ.

Дѣйствительно, прилавъ къ землѣ, можно было слышать сильную, частую канонаду, ощущалось какъ бы земля дрожитъ; и отъ сотрясенія происходилъ какой-то звукъ, правильно назвалъ его старикъ стономъ. Дружно, и я и старикъ стали креститься, и у насъ обоихъ брызнули слезы. Вскорѣ вышли всѣ и узнавъ въ чемъ дѣло затрепетали и залились слезами. Трудно забыть этотъ страшный, раздирающій звукъ; каждую минуту казалось: вотъ, вотъ этотъ выстрѣлъ унесъ именно ту жизнь которая намъ всего дороже, за которую всего болѣе трепещешь.

— Нельзя ли откуда-нибудь съ горы видѣть губу?

— Есть тутъ недалеко хребтикъ, версты двѣ отсюда будетъ.

— Веди, веди насъ, старикъ!

Отправились мы всѣ вслѣдъ за старикомъ; и дѣйствительно, взойдя на открытую вершину, явственно увидѣли вдали Авачинскую губу съ окружающими ее горами, которыя издали казались каменнымъ зеленымъ заборомъ. Видны и непріятельскія суда; пальба безпрерывная, издали они кажутся всѣ въ пламени и дымѣ. Старикъ Дурынинъ пошелъ съ нами на горку; наканунѣ онъ шелъ на батахъ съ своими земляками

въ портъ, мимо насъ, да прихворнулось старичку, и остался у знакомыхъ, чайку напиться да отдохнуть.

— А отдохну, глядь-ка, и не одного супостата положу. Такъ-то вотъ руки трясутся, а палить стану, не бось, не дрогнетъ, въ глазъ намѣчу, въ глазъ и возьму.

Дурынинъ промаха не даетъ; сколькихъ медвѣдей уложилъ—за сорокъ перевалило. Вотъ влѣзъ онъ на березу и говоритъ:

— Смотри-ка! Вонъ оно, большое-то судно, вишь оно все въ огнѣ! Горитъ оно! Какъ хошь горитъ.

— А чье оно? Супостатовъ что ли?

— Супостатовъ-то оно, супостатовъ, да только не горитъ оно, а стрѣляютъ больно часто.

Вотъ и по ущелинѣ, гдѣ лежитъ портъ, его очертаній не видно, нѣтъ-нѣтъ да и пробѣжитъ бѣлая струйка. Я знала что пороху у насъ не очень-то много. Страшно сжалось сердце. Господи, неужели они весь порохъ изстрѣляли, и непріятель теперь бьетъ ихъ безнаказанно!

— Какъ хочешь, барыня, повторяетъ неугомонный старикъ Дурынинъ,—вонъ горитъ онъ, вишь ты, снастей не видать. Тонетъ! Потонуло окаянное!

Даже Губарева стала поддаваться наивнымъ надеждамъ старика. Было далеко, да и кто не знаетъ какъ вода, дымъ и солнце обманываютъ зрѣніе. Кто бывшій у моря не знаетъ обманчивыхъ миражей. Часа три сидѣли мы всѣ на горкѣ. Многія изъ дѣтей пробовали по примѣру старика лазить на березку, и сообщали то что̀ имъ казалось: и суда-то горѣли и тонули, и въ портѣ горѣло. Но умолкала на время канонада, вѣтеръ разносилъ дымъ и явственно виднѣлись эти шесть вражьихъ фигуръ. Что̀ дѣлалось въ портѣ, было труднѣе видѣть. Пригрѣвало насъ солнышко, но благотворный лучъ надежды не проникалъ въ истомленныя тоскою сердца. Господи, Господи, что̀ готовишь Ты этимъ невиннымъ, маленькимъ дѣтямъ? Сиротство, нищету... и въ этой отдаленной пустынѣ, гдѣ и подъ защитой друга и покровителя жизнь далеко не легка. Время отъ времени кто-нибудь изъ дѣтей всхлипывая произноситъ: „папа, папа!“ Либо слышался дѣтскій голосокъ, полный дѣтской вѣры: „Господи, помоги! Господи, сохрани папу!“

Съ сердцемъ полнымъ тоски побрели мы домой; пальба слышалась рѣже, менѣе явственно. Только припавъ къ зем-

лѣ слышно было какъ она время отъ времени вздрагивала. Возвратясь домой, встрѣтили мы старика Камчадала который привезъ нѣсколько провизіи—муки, чаю, сахару, шкатулку съ самыми нужнѣйшими бумагами, не съ денежными, а съ дѣловыми. Записки не было. Страхъ на насъ напалъ. Къ вечеру пришелъ нашъ скотъ. Долго мы сидѣли съ дѣтьми, съ горки намъ казалось (впрочемъ на этотъ разъ ошибочно) что самый сильный огонь направленъ былъ на перешеекъ. Перешеечнóю батареей командовалъ А. П. Дѣти его часто вспоминали: онъ такой добрый, милый, живъ ли онъ? Потомъ всѣ кричали: „папа, папа!“ и кончалось горькими, неутѣшными слезами.

21го августа я послала старика въ городъ, узнать чтò тамъ. Между тѣмъ стали рыть ямы чтобы спрятать хлѣбъ. О войнѣ и ея правилахъ я сама имѣла весьма смутное понятіе. Еще развѣ о Двѣнадцатомъ Годѣ случалось читать или слышать разказы очевидцевъ. Мои же товарищи бѣгства и никакого о томъ понятія не имѣли. Намъ мерещилось, кончится тамъ все, такъ придутъ, да у насъ дѣтей отнимутъ. Не логично, но мы были въ пустынѣ; и сопоставляя разные эпизоды разказовъ 1812 года, не находили тутъ ничего несообразнаго. Пошли на нашу горку; стоятъ суда смирно, все спокойно.

Около шести часовъ вечера кричатъ: „батъ идетъ вверхъ по рѣкѣ“. Бросились всѣ на встрѣчу. Я получила записочки. Все это читалось вслухъ, все кругомъ толпилось,—и дѣти, и мои товарки по бѣгству, и мои вѣрные старики. Чтеніе прерывалось иногда всхлипываньемъ, иногда широкимъ русскимъ крестомъ.

„Богъ милостивъ, я живъ и не раненъ. Сегодня день былъ жаркій... Богъ за насъ! Въ городъ падаетъ много бомбъ, и многія не разрываетъ. Убитыхъ до десяти человѣкъ, раненыхъ столько же. Не любятъ Французы и Англичане штыковъ, удалились отъ нихъ. Работы жаркой будетъ дня два, три. Флага мы имъ не отдадимъ ни одного, изстрѣляемъ весь порохъ, сожжемъ суда. Всѣ подъ Богомъ ходимъ. Молись Богу.“

Приписывали мнѣ и другіе близкіе теплое, доброе, ободрительное слово. Писалъ Л., правитель канцеляріи мужа.

„Святымъ Промысломъ и общими молитвами нынѣшній день прошелъ счастливо, убитыхъ и раненыхъ очень

мало. Изъ офицеровъ раненъ одинъ Гавриловъ, но не тяжело. Въ Петропавловскѣ еще не сожженъ ни одинъ домъ. Мы бережемъ людей. Жизнь Василія Степановича, какъ залогъ благоденствія всей области, мы бережемъ всѣми силами. Харитина подъ бомбами разноситъ намъ закуски.“

Не было конца разспросамъ старику; на многое отвѣчалъ онъ весьма удовлетворительно. Поименовалъ всѣхъ убитыхъ и раненыхъ. Тамъ вѣдь всѣ другъ друга знали. Вечеръ всѣ провели вмѣстѣ, принялись щипать корпію, дѣлать бинты. Какъ будто полегчало на сердцѣ, несмотря на тоску ужасной неизвѣстности.

22го августа на утро пришли еще баты съ провизіей. Была записка отъ мужа:

„Будь покойна, ежели будетъ десантъ, мы его возьмемъ въ штыки—тутъ наша возьметъ. Живите на мѣстѣ, не безпокойтесь. Хлѣбъ мы ночью убрали чтобы шальная бомба не заставила насъ голодать. Отстоимъ съ честью, Богъ поможетъ, сохранимъ русское имя и покажемъ въ исторіи, какъ Русскіе сохраняютъ честь отечества. Молись за насъ. Благослови дѣтей.“

День прошелъ мирно, перестрѣлки не было слышно. Послѣ обѣда пришла наша Харитина, и принесла мнѣ письма нашихъ близкихъ къ роднымъ и друзьямъ въ Россію, на случай ихъ смерти. Много она намъ разказывала объ ужасахъ канонады. Разказывала какъ она въ 12 часовъ, забравъ закуску и вино, ходила къ нашимъ на батареи:

— Иду, говоритъ она,—съ узломъ, а надъ головой вдругъ свиститъ, страшно свиститъ, такъ я и присяду, либо подъ заборчикъ прилягу; да и думаю себѣ, когда же приду-то коли все такъ будетъ? Двухъ смертей не бывать, одной не миновать. Нечего имъ кланяться, пусть себѣ свистятъ. Ну, встала и перекрестившись пошла дальше. Ко всѣмъ снесла, и къ Д. П. на Кошку, и къ барину, и къ А. П. на перешеекъ. Никого не забыла, вѣдь проголодались сердечные. Экой день-то, Господи, страшный выдался. По ночамъ всѣ жители закапываютъ свои запасы, днемъ же въ порту изъ женщинъ никого нѣту, только я да Губаревой матушка и ходимъ.

Разказывала она что попрежнему всѣ собираются около мужа; за ужиномъ какъ и въ мирное время хохочутъ, болтаютъ, молодежь поетъ иногда пѣсни. Ночью она съ матерью Губаревой ушла опять въ портъ.

Харитина моя была толстая-претолстая поселыцица—молоканка, великій теологъ въ юбкѣ, не умѣя читать, она васъ текстами такъ и засыплетъ; она была Малороссіянка. Въ послѣдствіи изъ молоканства она обратилась въ православіе, и стала великою постницей.

23е августа прошло тихо. Молились, щипали корпію, ходили на хребтикъ; все спокойно въ бухтѣ; суда стоятъ попрежнему, пальбы нѣтъ. На хуторѣ мы преимущественно кормились рыбою и молокомъ, такъ какъ скотъ былъ при насъ. Старикъ Мутовинъ ловилъ рыбу, Кирилло варилъ ее.

24е августа. Чу! дрогнула земля, застонала, началась канонада.

Всѣ мы пошли на хребтикъ. Опытный, зоркій глазъ стараго Мутовина вѣрно опредѣлилъ мѣсто дѣйствія.

— Они бьютъ черезъ перешеекъ и черезъ озеро. Сдается мнѣ что повезли людей на берегъ, чернѣетъ что-то на губѣ, кажется барказы.

Я сама ничего не понимала, только слушала стонъ земли; всякая мысль замерла.

— Вотъ, вотъ загорѣлось, продолжалъ Мутовинъ.

— Чтò, чтò горитъ?

— Кажись рыбный сарайчикъ на косѣ.

Просили старика смотрѣть не горитъ ли еще гдѣ.

— Нѣтъ, коли бы горѣло гдѣ, то ужъ разглядѣлъ бы.

Долго сидѣли мы и смотрѣли вдаль, почти ничего не видя, кромѣ очертаній судовъ то въ дыму и огнѣ, то чистыхъ, да по горамъ въ направленіи порта то тамъ, то тутъ пронесется дымокъ. Господи, какъ это было неизъяснимо мучительно! Наконецъ стихло; пошли мы съ нашей горки съ тяжелымъ, тяжелымъ сердцемъ; никто не могъ знать чтò тамъ такое. День тянулся медленно; всѣ чувства были напряжены, истомлены неизвѣстностью, ожиданіемъ.

Наконецъ, поздно вечеромъ закричали съ той стороны рѣки: „батъ давайте!“ Перевезли,—то былъ старый казацкій унтеръ-офицеръ Константиновъ, пришелъ онъ пѣшкомъ, несетъ саблю, которую и подалъ мнѣ вмѣстѣ съ запиской; вотъ она:

„Богъ за насъ, сей день десанту было до 800 человѣкъ. Богъ насъ хранитъ—отбили.“

Какое дѣйствіе произвела эта коротенькая записка, этого невозможно описать. Старикъ еле держался на ногахъ; уса-

дили его, напоили чаемъ и забросали вопросами. Не очень-то послѣдовательны были его разказы; да и мы сами были до того возбуждены что съ трудомъ его понимали.

На другой день 25го августа пришла на батѣ мать Губаревой. Она намъ много разказывала изъ того что̀ сама видѣла; разказывала какъ ея зять возвратился такой черный отъ пороховаго дыму, не узнала я его даже, прибавила она; потомъ разказывала что̀ слышала или поняла изъ разговоровъ тѣхъ чиновниковъ и офицеровъ которые у ней столовались. Разспросамъ не было конца. Подъ вечеръ на меня напала жесточайшая тоска. Вотъ, вотъ непріятель сдѣлаетъ ночное нападеніе, и пошла къ Губаревой, просить старуху еще разъ передать мнѣ всѣ ожиданія и предположенія которыя она слышала. Старалась я этимъ успокоиться. Воротилась къ себѣ, и искала силы тамъ гдѣ всегда ищутъ ее.

26го августа пріѣхалъ къ намъ верховой съ непріятельскимъ знаменемъ и слѣдующею запиской:

„Вчера по окончаніи сраженія я послалъ по скорости къ тебѣ извѣстіе и саблю. Сегодня посылаю тебѣ знамя, отнятое нами въ бою отъ 800 человѣкъ, а насъ было въ разныхъ мѣстахъ до 300. Богъ сохранилъ насъ. Тучи бомбъ были брошены въ городъ, но пожары были незначительные, ихъ скоро тушили, сгорѣлъ только рыбный сарай. Убитыхъ у насъ до 20 человѣкъ и раненыхъ до 70, а непріятелей мы похоронили до 37, между ними есть и офицеры. Двое въ плѣну. Утопили непріятельскій барказъ, и съ Никольской горы при отступленіи ихъ много убито и потонуло. Сегодня день будетъ спокойный, они пошли хоронить своихъ въ Тарью. Сберегите знамя. Молитесь и надѣйтесь на Бога. А. П. раненъ, онъ герой, мы ему многимъ обязаны. Не безпокойся.“

Извѣстіе что А. П. раненъ меня сильно встревожило, я его душевно полюбила.

Каждый день по нѣскольку разъ старикъ Мутовинъ и мои мальчики ходили на нашъ хребтикъ, и приносили намъ свѣдѣнія о томъ что̀ дѣлается въ губѣ.

27го августа утромъ входитъ старикъ къ намъ, въ свою хижинку, и начинаетъ прямо креститься на образъ. „Слава Богу, всѣ суда ушли, нѣтъ ихъ, тихо.“

Почти не вѣрилось что бѣда миновала.

Вскорѣ опять показалась будто пальба, и снова защемило сердце. Но вотъ пріѣхалъ верховой, привезъ записку:

„Непріятель ретировался. Въ морѣ на бѣду показалось наше судно, но туманъ такой накрылъ что хоть глазъ выколи. Когда совсѣмъ скроется, пришлю за вами; до тѣхъ поръ терпѣніе.“

Поздно ночью, дѣти уже спали, съ той стороны кричатъ; бросились къ рѣкѣ: голосъ Д. П. и съ нимъ радостный лай Барсика, его вѣрнаго спутника. Какъ описать чувства мои при этомъ свиданіи, и радость общаго избавленія и общій намъ страхъ за близкаго, нами обоими нѣжно любимаго человѣка.

На другой день, чуть свѣтъ поѣхали назадъ; послѣ трехчасоваго пути въ холодное, сырое, туманное утро пришли мы къ Авачи, и въ виду ея засѣли на отмеляхъ; кругомъ торчатъ камни, да желтѣетъ песокъ, кое-гдѣ стоитъ вода. Мы были въ четырехъ батахъ; перваго выкинули Барсика, вылѣзли люди, вылѣзли Жоря, Стела, Д. П. и пошли бродить; такъ какъ при подобныхъ путешествіяхъ всегда надѣваются на ноги непромокаемыя якутскія сары, то бродить такимъ образомъ по мелкой рѣчкѣ безопасно, нога остается суха. И мнѣ это приходилось испытывать не разъ.

Вдругъ гулъ пушки изъ порта.... Что̀ это значитъ? Д. П., Жоря и Стела, оставивъ баты на попеченіе батовщиковъ, побѣжали по водѣ бродомъ въ деревню, узнать что̀ это значитъ. Скоро возвратились съ извѣстіемъ: былъ сигналъ: суда идутъ назадъ. Д. П. требуютъ въ портъ. Въ продолженіе всего времени на хуторѣ Жоря плакалъ и просился къ отцу, теперь я не видѣла нужды ему отказать въ этомъ. Въ одно мгновеніе они съ дядей исчезли. Чрезъ нѣсколько минутъ пришли намъ на помощь пустые баты, и съ большимъ трудомъ перетащили насъ въ деревню. Малютки плакали; мелкій дождь пронизывалъ до костей. Какъ ни огорчило новое извѣстіе, но какъ-то всѣ уже попривыкли къ постояннымъ тревогамъ, всѣ только попримолкли. Дѣтей перенесли въ ту же хижинку, обсушили, накормили, обогрѣли.

— Кирилло, голубчикъ, позаботься ты о ребятишкахъ. Бѣжимъ, Серафима Гавриловна, въ портъ, повидаемся съ мужьями, а тамъ что̀ Богъ дастъ.

— Который часъ?

— Да одиннадцать либо двѣнадцать. У насъ часовъ съ собою все время не было, мои давно стояли, поправить негдѣ;

жили все это время по солнцу.—Въ два часа мы дойдемъ до порта. Ежели понадобится такъ еще засвѣтло воротимся къ дѣтямъ.

Сказано—сдѣлано. Пошли мы съ ней скорымъ шагомъ, съ нами только мой Степа, да ея Петя. Заблудиться бояться нечего, медвѣдя также, онъ вѣрно далеко отошелъ—испугался пальбы.

— Я-то привычная, говоритъ Губарева,—а вы смотрите, не выдержите.

Она взяла съ собой еще племянника, мальчика лѣтъ четырнадцати, и послала его впередъ сказать что мы идемъ. На гору подниматься и спускаться скользко, скоро идти нельзя, за то по ровной дорогѣ мы буквально бѣжали. Мокрый туманъ превратился въ настоящій дождикъ. Губарева идетъ скоро, скоро впередъ и присядетъ либо на камешекъ, либо на колоду; я и это боялась сдѣлать—сядешь, да и не поднимешься—и все время ни разу не присѣла. Мы съ пяти часовъ утра ничего не ѣли, и только на Сѣроглазкѣ напились воды изъ нашего свѣтлаго ключика. Насъ промочило, но не мѣшало намъ идти такъ скоро, какъ ноги несли. На Кошкѣ, у входа въ городъ, меня встрѣтилъ мужъ. Не стану описывать этого свиданія; все равно, и четверти не скажешь того что̀ чувствовалъ. Сердце сильнѣе чувствуетъ, чѣмъ языкъ умѣетъ говорить. Есть минуты въ жизни которыя, кажется, брошены съ неба въ нашъ вседневный мракъ. Но и тутъ примѣшивалась горечь и душевная боль. Когда я пошла къ раненому А. П.—ему оторвало руку—онъ былъ веселъ, спокоенъ и не показывалъ ни малѣйшаго признака своихъ страданій. Когда онъ перенесъ операцію, то перекрестившись сказалъ: „Слава Богу, у меня правая рука цѣла, я могу креститься, могу еще и писать, и быть полезнымъ“.

Потомъ пошли мы домой, кой-какъ переодѣлись, все было уложено, а мы промокли до костей. Съ мужемъ мы говорили мало, сердце было слишкомъ полно, пожмемъ другъ другу руку, а глаза полны слезъ. Не долго мы тутъ оставались, вѣдь на Авачѣ меня ожидали семеро малютокъ. Сошедши съ нашей горки отъ дома, зашли мы съ мужемъ въ нашу милую, старенькую церьковь, помолились тамъ; и поѣхала я вмѣстѣ съ Губаревой на Авачу уже на нашемъ бѣломъ, легкомъ вельботѣ. Жорю и Степу оставила я у отца. Дорогой вельботный унтеръ-офицеръ насъ неумолкаемо занималъ

разказами. Поразказать-то было о чемъ. Съ какимъ восторгомъ моя мелочь бросилась ко мнѣ на встрѣчу. Не привыкли они такъ долго обходиться безъ меня. Казалось кончились наши бѣдствія. Возвратились мы въ свое насиженное гнѣздо. Это было 29го августа. Какъ усердно молились мы въ этотъ день всѣ вмѣстѣ.

Къ обѣду собрались у насъ наши доблестные, храбрые сподвижники, наши добрые товарищи. Какъ отрадно было ихъ видѣть тогда....

Болѣе двадцати лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но я всегда съ искреннею любовью вспоминаю ихъ всѣхъ и каждаго порознь. При мысли о каждомъ изъ нихъ является теплое, родное чувство. Въ настоящее время многихъ уже не стало. Миръ душамъ ихъ! Память о нихъ жива у меня въ сердцѣ, и никогда въ немъ не умретъ. Многихъ я съ тѣхъ поръ и не видала. Быть-можетъ многіе забыли этотъ краткій эпизодъ ихъ жизни у насъ; но я ихъ никого не забыла, и со всегдашнимъ теплымъ участіемъ забьется сердце, когда упомянутъ знакомое имя, переносящее въ эту незабвенную для меня эпоху.

III.

Заскрипѣли перья, стали писать донесенія.

Въ свое время подробности событія были напечатаны, и не знаю, не будетъ ли излишнимъ излагать то что̀ уже было изложено лучше и точнѣе моего. Но для полноты разказа я рѣшаюсь изложить вкратцѣ какъ было дѣло. Пользуюсь записками составленными мною изъ разказовъ очевидцевъ; цифры же вполнѣ точны, такъ какъ я ихъ *тогда же* списала съ документовъ себѣ на память. Не нашла я въ своихъ запискахъ только дня ухода корвета *Оливуца*, но кажется это было въ началѣ іюля; также не нашла дня прихода *Двины*; насколько помнится, то было 20го іюля.

Испрашиваю снисхожденія, такъ какъ о военныхъ дѣйствіяхъ пишу какъ женщина.

Предпосылаю описанію указаніе положенія нашихъ укрѣпленій.

Батарея № 1, на Сигнальномъ мысу; пять пушекъ, 63 человѣка команды и командиръ Гавриловъ. За ней каменная возвышенность, господствующая надъ мѣстностью.

№ 2, на косѣ, отдѣляющей малую отъ большой бухты; одиннадцать пушекъ, 127 человѣкъ команды, одинъ гардемаринъ и командиръ Д. П., главнѣйшая защита нашихъ судовъ и всего порта.

№ 3, на перешейкѣ: пять пушекъ, 51 человѣкъ команды и командиръ А. П.

№ 4, на Красномъ-Яру за кладбищемъ, по Петровской горѣ: три пушки, 28 человѣкъ команды и командиръ П.

(№ 5 предполагали, но на него не достало пушекъ.)

№ 6, на косѣ, отдѣляющей большую губу отъ озера, вблизи Никольской горы и рыбнаго сарая: пять небольшихъ пушекъ, 49 человѣкъ команды и командиръ К.

Одна небольшая полевая пушка, при ней гражданскій чиновникъ и 15 человѣкъ Камчатскихъ казаковъ.

№ 7, на берегу озера, въ защиту отъ десанта: шесть маленькихъ, старыхъ пушекъ, 31 человѣкъ команды и командиръ нашъ инженеръ Г.

Фрегатъ былъ поставленъ однимъ бортомъ; съ другаго борта были сняты пушки для батарей.

Двина, какъ извѣстно, транспортъ, но и у нея одинъ бортъ былъ вооруженъ; разумѣется, транспортъ большихъ пушекъ не имѣетъ. Были сформированы двѣ стрѣлковыхъ партіи для отраженія десанта, и одна для тушенія пожаровъ.

Всего съ чиновниками, разночинцами, волонтерами было 879 человѣкъ, фрегатская команда въ этомъ же числѣ.

17го августа. Въ то время когда мы шли по горамъ, входилъ трехмачтовый пароходъ подъ американскимъ флагомъ; не доходя мили три до Сигнальнаго мыса, онъ остановился; народу на немъ было мало. Для его опроса поѣхалъ на шлюпкѣ офицеръ; завидя шлюпку, пароходъ поворотилъ, и народу на верхъ высыпало много; торгующіе Американцы, живущіе въ портѣ, высказали большое негодованіе что непріятель воспользовался ихъ флагомъ.

18го августа подали сигналъ: эскадра изъ 6 судовъ. Въ началѣ пятаго часа пополудни она вошла въ слѣдующемъ порядкѣ: трехмачтовый англійскій пароходъ—*Вираго*; 18ти-пушечный французскій бригъ—*Облигадо*; фрегаты: *Президентъ*, англійскій адмиральскій, 52 пушки. Англійскій *Пикъ*, 44 пушки. *Фортъ*, французскій адмиральскій, 60 пушекъ. Малый французскій фрегатъ *Евридика*, 32 пушки. Было отдано приказа-

ніе стрѣлять, ежели непріятель будетъ приближаться. Какъ скоро непріятель поравнялся съ батарей открыли огонь и помѣнялись нѣсколькими выстрѣлами.

Непріятель удалился изъ-подъ выстрѣловъ и сталъ на якорь въ большой губѣ. При перестрѣлкѣ замѣтили что непріятельскія пушки бо́льшаго калибра чѣмъ наши.

19е августа прошло спокойно. Непріятель дѣлалъ промѣръ, высматривалъ, но держался внѣ выстрѣловъ. Они бросили нѣсколько ядеръ, но издалека. Въ два часа показался изъ Тарьинской губы нашъ плашкоутъ съ кирпичомъ; люди, видимо, не догадались что это непріятель. Когда же замѣтили что непріятель спускаетъ гребныя суда, то нашъ плашкоутъ поворотилъ назадъ и сталъ уже удаляться; но вѣтеръ стихъ и его взяли.

Попрежнему собирались у мужа и къ обѣду, и къ ужину нѣкоторые изъ офицеровъ и чиновниковъ, но уже не въ нашемъ опустѣломъ домѣ, расположенномъ поодаль, а тутъ же на берегу, вблизи батарей, на берегу малой губы. Тутъ была вытащена на берегъ купальня, и она служила временною столовой и квартирой. Мой мужъ былъ бы неспокоенъ оставаясь въ нашемъ домѣ; онъ хотѣлъ быть ближе къ мѣсту дѣйствія; онъ вездѣ самъ ободряетъ, надзираетъ, распоряжается. Попрежнему за дружескимъ ужиномъ идетъ веселая, оживленная бесѣда.

20го августа. На разсвѣтѣ замѣтили что десантные боты и шлюпки нагружались десантомъ и приставали къ пароходу. Общее движеніе на эскадрѣ, частые сигналы и приготовленія къ снятію съ якоря показывали что непріятель намѣревается сдѣлать рѣшительное нападеніе.

Въ половинѣ 8го мужъ пригласилъ на батарею № 1 священника отца Георгія Лонгинова—отслужить молебенъ о дарованіи Всемогущимъ Богомъ побѣды.

Непріятель во время чтенія святаго Евангелія началъ стрѣлять въ батарею бомбами и ядрами, которыя, пролетая надъ головами бывшихъ тутъ, падали вблизи берега въ малую губу, не причиняя вреда. Достойный пастырь не смутился отъ опасности и продолжалъ служеніе. Это была торжественная минута, укрѣпившая вѣру: „Надѣющіеся на Господа не постыдятся.“

Между тѣмъ пароходъ взялъ съ лѣвой стороны фрегатъ *Призидентъ*, съ правой *Фортъ*, съ кормы *Пикъ*, и повелъ

ихъ противъ Сигнальнаго мыса. На Сигнальномъ мысу батарея совершенно открытая, сзади нея каменная гора. Вновь пошелъ мужъ на эту батарею, и показавъ командѣ на непріятеля, сказалъ: „Многіе изъ насъ умрутъ славною смертію, послѣдняя наша молитва должна быть за Царя". Команда пропѣла: *Боже Царя храни*, и всюду на всѣхъ батареяхъ, на судахъ загремѣло: ура! Всѣ готовились или умереть или побѣдить.

Ожидая нападенія, стрѣлкамъ и волонтерамъ былъ заранѣе отданъ приказъ расположиться въ кустахъ между батареями № 2 и № 4. Былъ приказъ, встрѣченный твердою рѣшимостью, беречь порохъ, защищаться до послѣдней крайности, и ежели весь порохъ будетъ разстрѣлянъ, сжечь суда и не отдать непріятелямъ ни одного флага. Медленно подвигались непріятельскія суда, и въ 9 часовъ началось сраженіе. Сперва весь огонь былъ направленъ на батарею Сигнальнаго мыса № 1; такъ какъ она, находясь ближе къ непріятелю, вредила ему больше всѣхъ. Командиръ былъ раненъ, ему въ помощь послали другаго офицера, но скоро она должна была умолкнуть. Тамъ было много убитыхъ, раненыхъ; ядра, врѣзываясь въ поверхъ лежащую гору, совершенно засыпали каменьями всю батарею. Орудія были повреждены. Нѣсколько разъ во время дѣйствій мой мужъ самъ былъ тутъ и ободрялъ. Но скоро принуждены были оставить батарею; дѣйствовать орудіями было невозможно, вся платформа была засыпана каменьями. Принудивъ умолкнуть батарею Сигнальнаго мыса, непріятельскія суда направили весь свой огонь на батарею Краснаго Яра, № 4. Ея дѣйствія были чрезвычайно удачны, и по необыкновенному счастію на ней не раненъ ни одинъ человѣкъ. Когда замѣтили быстро приближавшійся сильный десантъ, то зарыли порохъ въ заранѣе приготовленное мѣсто, сдѣлали еще по выстрѣлу, заклепали пушки и, отстрѣливаясь, стали отступать; на помощь батарейной командѣ спѣшили стрѣлки, съ ними былъ и мой мужъ, и волонтеры. Непріятель завладѣлъ батареей, поднялъ французскій флагъ; но въ это время нашъ фрегатъ и *Двина* стали стрѣлять въ десантъ. Непріятель, не дожидая нападенія нашихъ стрѣлковъ, также быстро сбѣжалъ къ шлюпкамъ и немедленно отвалилъ отъ берега. Наши стрѣлковые отряды возвратились. Англійскій пароходъ имѣетъ большаго калибра пушки; иногда онъ выставляетъ свой носъ, и прямо уже въ

городъ летятъ его бомбы и ядра. Недолго позволяютъ ему это; мѣткіе выстрѣлы съ фрегата и батареи № 2 сейчасъ его угощаютъ, и онъ, высунувъ на минуту свой носъ, беретъ задній ходъ и ретируется при дружномъ хохотѣ нашей команды.

Много ли кажется нужно чтобъ уничтожить такой маленькій городокъ. Непріятель былъ богатъ и порохомъ, и снарядами. По его уходѣ было найдено множество ядеръ вездѣ валяющихся, множество не разорванныхъ бомбъ, а несчастій не было. Гдѣ свалилась стѣна въ домикѣ, гдѣ разрушилась печка. Вотъ запылала ветхая хижина бѣдной старушонки; мигомъ прибѣжалъ пожарный отрядъ и, смѣясь, затушилъ ее; предусмотрительная старушонка наполнила всю свою посуду водой. Осколками пробило крыши магазиновъ съ хлѣбомъ, вѣдь это залогъ жизни... Какъ легко бы могла шальная бомба ихъ зажечь! Кто помѣшалъ? Кто предохранилъ? Не видимое ли Божіе покровительство!

Непріятель, заставивъ умолкнуть батареи № 1 и № 4, направилъ всѣ орудія трехъ фрегатовъ и парохода на батарею № 2, которая служила единственнымъ препятствіемъ къ нападенію на нашъ фрегатъ. Геройски выдерживала она убійственный, неумолкаемый огонь. Сберегая людей за брустверомъ въ то время когда батарею осыпало ядрами и бомбами, неустрашимый командиръ ходилъ спокойно по батареѣ и ободрялъ команду, выжидая время когда фрегатъ *Президентъ*, травя свой канатъ, приближался къ батареѣ, которая посылала тогда мѣткіе выстрѣлы. Она стрѣляла съ разстановками, но мѣтко, не тратя даромъ пороху, котораго было мало. Нѣкоторое количество пороху и картузовъ подъ огнемъ и ядрами было перевезено юнымъ Ф. съ фрегата на батареи. Въ продолженіе битвы фрегата съ батареей малый фрегатъ *Евридика* и бригъ подходили, имѣя десантъ на шлюпкахъ, подъ выстрѣлы батареи № 3, на перешейкѣ, но были прогоняемы ядрами, даже одна шлюпка была потоплена.

Какъ я уже упомянула, тогда собирались обѣдать въ купальнѣ. Сегодня же Харитина отнесла сама по батареямъ обѣдъ, и перекусили гдѣ кому привелось; побѣжали въ эту купальню за штопоромъ и увидѣли что бомба попала въ ея средину и ее всю разметало.

Кончился жаркій день, отошелъ непріятель на свои прежнія мѣста.

Всю ночь шла у него работа; суда кренились, задѣлывали пробоины; всю ночь слышалась на судахъ плотничная работа; видно, несмотря на нашъ недостатокъ пороха, ему-таки порядкомъ досталось.

Собрались наши къ ужину дружною, единодушною семьей. „Я одного желаю", говорилъ А. П. одному изъ своихъ товарищей, „если нужна жертва за избавленіе всѣхъ въ Петропавловскѣ, пусть бы жребій палъ на насъ, меня или брата; насъ у отца шестеро,—убьютъ одного, пятеро ему останется въ утѣшеніе. Но что̀ будетъ если смерть сразитъ отца такой многочисленной семьи, такихъ малютокъ?" Пророческія то были слова. Дѣйствительно, жребій палъ на него самого.

Всѣ были воодушевлены; предвидѣли что будетъ высадка; всякъ горѣлъ нетерпѣніемъ, всякъ надѣялся вскорѣ съ честью проводить непрошенныхъ гостей. Въ ночь и на слѣдующій день работа у насъ кипѣла; приходилось исправлять на батареяхъ что̀ было повреждено, и сильно повреждено.

21го августа въ часъ пополудни отъ адмиральскаго французскаго фрегата отвалила шлюпка и направилась къ Сигнальному мысу: то была наша шестерка, взятая непріятелемъ вмѣстѣ съ плашкоутомъ. На ней пристали къ берегу: унтеръ-офицеръ Усовъ съ женою и двумя маленькими дѣтьми, и молодой матросъ Киселевъ; первый передалъ мужу записку:

Monsieur le gouverneur.

Les chances de la guerre, ayant fait tomber entre mes mains une famille russe. J'ai L'honneur de vous la renvoyer.

Recevez, monsieur le Gouverneur, l'assurance de ma haute considération.

L. Amiral F. Despointe.

Усова разказывала что адмиралъ—старикъ, что онъ ласкалъ ея маленькихъ, смуглыхъ ребятишекъ, давалъ имъ конфетъ и говорилъ матери, или она это уже себѣ такъ истолковала, что у него во Франціи остались также маленькія дѣти. Камчадалка любила это разказывать. Во время сраженія ихъ держали внизу; они говорили что видѣли раненыхъ на фрегатѣ. 21го августа адмиралъ сказалъ что отошлетъ женщину одну съ дѣтьми, но та съ отчаяніемъ ухватилась за мужа и объявила что она не оставитъ его. Адмиралъ не могъ противостоять слезамъ и ры-

даніямъ женщины. Впрочемъ Усовъ на видъ невзрачный, черненькій, худенькій, хиленькій, сѣденькій старичокъ. Не подозрѣвалъ адмиралъ какіе мѣткіе стрѣлки наши Камчадалы... Выпросивъ мужа, Камчадалка выпросила и брата, на видъ почти юношу.

Эти три спокойные дня были посвящены исправленію батарей; тогда-то и написали нѣкоторые изъ офицеровъ свои письма къ роднымъ и друзьямъ, переданныя мнѣ на хуторѣ Харитиною; тогда же она передала Мутовину письмо ко мнѣ отъ мужа: онъ долженъ былъ мнѣ передать его въ случаѣ смерти мужа. До сихъ поръ оно у меня хранится. Вотъ оно:

„Ежели меня убьютъ, я оставляю васъ спокойно. Твоя христіанская покорность волѣ Божіей поддержитъ тебя, и самъ Богъ научитъ что̀ предпринять для блага дѣтей. Учи ихъ быть честными, трудолюбивыми, и въ случаѣ нужды пусть будутъ готовы положить жизнь за Царя и отечество. Я вамъ не оставляю состоянія, но умру спокойно, Богъ васъ не оставитъ, отцомъ вамъ будетъ Государь."

Таковы были чувства одушевлявшія его! И теперь я скажу что самъ Богъ сохранилъ его тогда; онъ постоянно былъ на самыхъ опасныхъ и видныхъ мѣстахъ. Всѣ готовились пасть вдали отъ родины, исполняя священный долгъ.

24го августа. Въ 4 часа утра замѣчено движеніе на пароходѣ. Непріятель приготовлялъ десантные боты, баркасы и шлюпки для своего десанта.

Пробита тревога, наши готовились къ бою. Въ этотъ разъ слѣдовало ожидать самаго рѣшительнаго нападенія. По позднему времени эскадра не могла долго оставаться.

Обошедши батареи, отряды и суда, мой мужъ призывалъ команды драться до послѣдней крайности. Общій, единодушный отвѣтъ былъ: умремъ, а не сдадимся.

Фрегатъ *Пикъ* стоялъ поодаль отъ эскадры. Въ половинѣ шестаго пароходъ взялъ на буксиръ два фрегата: съ правой стороны *Фортъ*, съ лѣвой *Президентъ*, и повелъ ихъ по направленію къ перешейку. Непріятель намѣревался испытать счастіе съ другой стороны Петропавловскаго порта. Дѣйствительно, французскій адмиральскій фрегатъ сталъ противъ перешеечной батареи № 3. Англійскій противъ батареи № 6, у рыбнаго сарая. Пароходъ прошелъ немного далѣе. Въ этотъ день непріятель имѣлъ еще болѣе преимуществъ на своей сторонѣ. Тридцать пушекъ фрегата *Фортъ* дѣйствовали

противъ пяти пушекъ батареи № 3, совершенно открытой. У озера двадцать шесть пушекъ *Президента* и бомбическія пушки парохода громили маленькую крытую батарейку у рыбнаго сарая, вооруженную малыми пушками.

Когда еще неизвѣстно было, какое направленіе возьметъ пароходъ, то камчатскія стрѣлковыя партіи были посланы на позицію между батареями № 2 и № 4. Теперь же онѣ были всѣ стянуты подлѣ пороховаго погреба на берегу озера, у подошвы Никольской горы, вблизи озерной батареи № 7. Туда же были присланы значительныя стрѣлковыя партіи съ фрегата, подъ командою Аврорскихъ офицеровъ.

Первый огонь открыла батарея на перешейкѣ и дѣйствовала такъ успѣшно что первыми ея ядрами сбитъ на фрегатѣ гафель и англійскій флагъ упалъ. Англичане поторопились поднять его. Такъ какъ на этотъ разъ фрегатъ всталъ на якорь близко отъ батареи, надѣясь, вѣроятно, уничтожить ее немедленно, то наши выстрѣлы попадали въ него почти безъ промаха. Однако команда, осыпанная ядрами, лишившаяся уже многихъ убитыми и ранеными, дрогнула; она состояла на половину изъ молодыхъ солдатъ, присланныхъ изъ Иркутска, пришедшихъ въ Камчатку на *Двинѣ*, и едва привыкшихъ управлять пушками. Командиръ А. П. бросился къ орудію и началъ самъ заряжать его; это подѣйствовало на команду; батарея, поддержанная геройскимъ мужествомъ командира, продолжала гибельный для непріятельскаго судна огонь и утопила одну шлюпку съ десантомъ. А. П. самъ наводилъ орудія до тѣхъ поръ, пока не палъ съ оторванною рукой. На фрегатѣ *Фортъ* раздалось *ура*; такъ дорого цѣнилъ непріятель нашу потерю. Хотя съ фрегата былъ посланъ другой офицеръ ему на смѣну; но пока онъ съѣзжалъ, батарея была приведена въ невозможность дѣйствовать. Баттарея № 6, защищенная землянымъ валомъ, держалась не долѣе, она была вскорѣ совершенно засылана землей и фашинникомъ, и команда, по приказанію мужа, была присоединена къ стрѣлкамъ.

Сбивъ баттареи, непріятель отправилъ десантъ на двухъ десантныхъ ботахъ и на 23 гребныхъ судахъ по направленію къ батареѣ № 6, подъ защитою орудій фрегата *Президентъ* и парохода, обстрѣливающихъ Никольскую гору. За десантомъ слѣдовалъ французскій адміралъ съ обнаженною саблей, отдавая приказанія.

Въ началѣ сраженія посланъ былъ небольшой стрѣлковый отрядъ—занять вершину спуска Никольской горы къ озеру, по которой непріятель легко могъ взойти на гору. Остальные отряды находились у пороховаго погреба, и по мѣрѣ надобности могли быть двинуты немедленно. Казалось вѣроятнымъ что непріятель употребитъ усилія овладѣть батареей № 7: отъ этого зависѣла возможность занять городъ. Дѣйствительно, часть непріятельскаго отряда выстроилась на Кошкѣ, обошла Никольскую гору и показалась противъ озерной батареи. Но непріятель, встрѣченный картечью изъ батарейныхъ орудій и изъ полеваго орудія, отступилъ, унося убитыхъ и раненныхъ. Вторая попытка непріятеля броситься на батарею имѣла тѣ же послѣдствія. Въ это время стрѣлковая партія, которая слѣдила за движеніемъ непріятеля съ горы, спустилась ниже и изъ кустовъ открыла бѣглый огонь по обходившему гору непріятелю.

Десантныя же войска быстро и безпрепятственно взошли на гору; значительная часть ихъ собралась на сѣверной оконечности и начала спускаться внизъ. Остальная часть пошла по гребню Никольской горы, и соединилась съ десантомъ вновь высаженнымъ въ подкрѣпленіе къ первому на пяти гребныхъ судахъ, отвалившимъ отъ малаго фрегата *Евредика* и брига *Облигадо* къ перешейку. Съ этой стороны непріятель уже открылъ ружейный огонь по командамъ фрегата и *Двины*. Фрегатъ *Евредика*, державшійся въ началѣ сраженія подъ парусами, подошелъ къ батареѣ Краснаго Яра, но встрѣченный выстрѣлами отошелъ. Бригъ бросалъ ядра черезъ перешеекъ во фрегатъ. Увидѣвъ что десантъ показался на гребнѣ, и удостовѣрившись что непріятель оставилъ намѣреніе напасть на озерную батарею, мой мужъ послалъ всѣ стрѣлковыя партіи, какъ наши портовыя, такъ и значительныя фрегатскія, занять сѣверную оконечность Никольской горы и прогнать оттуда непріятеля штыками. Еще ранѣе того, видя что вторично свозятъ десантъ къ перешейку, съ фрегата были вытребованы вновь подкрѣпленія стрѣлковыми партіями подъ командой Аврорскихъ офицеровъ; эти подкрѣпленія подоспѣли вовремя. Наши отряды стали входить на гору тогда какъ непріятель былъ уже на гребнѣ, и занялъ высоты почти до самаго перешейка. Самое большое скопленіе десанта было на сѣверной оконечности Никольской горы, откуда, какъ сказано выше, непрія-

тель началъ спускаться внизъ, открывъ жестокій ружейный огонь по 2й стрѣлковой партіи, резерву и по командѣ озерной батареи. Тутъ находился и мужъ; кругомъ было много убитыхъ и смертельно раненыхъ. Наши стрѣлки и батарейная команда отстрѣливались; наше полевое орудіе било картечью. Но такъ какъ въ эту минуту наши храбрые защитники стали подниматься, то огонь снизу былъ совершенно прекращенъ. Малочисленные отряды наши, воодушевляемые храбрыми ихъ командирами, дружно и безостановочно шли на гору подъ градомъ пуль, стрѣляя впередъ въ непріятеля. Потомъ съ крикомъ ура почти въ одно время ударили въ штыки. На верху горы завязывается страшный бой, ожесточенный, упорный. Непріятель былъ вооруженъ отличнѣйшими штуцерными ружьями; у насъ ружья были старыя, кремневыя, особливо же у Камчатскихъ командъ. Численность непріятеля, позиція имъ занятая, все было на ихъ сторонѣ, но они не устояли противъ дружнаго натиска нашихъ стрѣлковъ. У непріятеля первыми жертвами пали офицеры; ихъ ряды дрогнули и скоро въ безпорядкѣ обратились въ бѣгство. Одни были сброшены съ утеса штыками, другіе сами бросались внизъ. Утесы Никольской горы, крутые сверху, книзу спускаются каменною стѣной, потому на берегъ падали по большей части обезображенные трупы.

Отступленіе непріятеля съ сѣверной оконечности горы и около перешейка совершалось въ безпорядкѣ, но не съ такимъ урономъ, потому что покатость горы давала возможность добраться до моря. Спускаясь внизъ, непріятель съ обѣихъ сторонъ бѣжалъ на шлюпки, унося трупы товарищей. Отступленіе на суда было для нихъ не менѣе бѣдственно: отряды, занявъ высоты, стрѣляли въ бѣглецовъ. Падая съ высотъ, разбитые, раненые, убитые падали въ воду. Вездѣ слышался стонъ. Одинъ фрегатскій барказъ ушелъ только подъ восемью веслами, на другомъ люди подымали руки вверхъ, какъ бы прося пощады. Нѣсколько человѣкъ брели по горло въ водѣ, догоняя удаляющіяся гребные суда, другіе бросались вплавь. Не многіе нашли спасеніе.

Съ фрегатовъ и парохода били вверхъ ядрами, но безвредно для нашихъ молодцовъ-стрѣлковъ. По приближеніи непріятельскихъ шлюпокъ, пароходъ взялъ ихъ и повелъ къ Тарьинской губѣ. Суда отошли. Сраженіе кончилось.

Въ половинѣ двѣнадцатаго пробили отбой. Всѣ собрались вокругъ мужа; тутъ стояли лужи крови.

Всѣ чувствовали что не одно непоколебимое мужество, не одна отчаянная храбрость, не одно благоразуміе помогли одолѣть превышающую вчетверо силу врага, обладающаго болѣе усовершенствованными боевыми средствами. Съ нами былъ Богъ, Его помощью одолѣли мы сильнаго врага. И вотъ тутъ же на мѣстѣ наши герои, закоптѣлые дымомъ, обрызганные кровью, запыленные, грязные, въ виду убитыхъ, присутствуютъ при торжественномъ, благодарственномъ молебствіи, по окончаніи котораго, послѣ многолѣтія, всѣ пропѣли гимнъ за Царя и грянуло *ура!*

Физическія силы, бывшія въ такомъ страшномъ напряженіи съ ранняго утра, требовали подкрѣпленія и тутъ же стали обѣдать. Затѣмъ приступили къ погребенію убитыхъ. Нашихъ было до 35 человѣкъ, между ними были и волонтеры, и мой старикъ Дурынинъ сложилъ свою старую голову за батюшку Царя, пославъ предъ тѣмъ не одну мѣткую пулю во вражью силу. Предъ сраженіемъ онъ говорилъ мужу: „теперь я пойду съ другими бить супостатовъ, а потомъ ты, старикъ, пошли меня къ своей хозяйкѣ, я скорѣе всѣхъ бѣгаю.“ Камчадалы называютъ начальника старикомъ.

Убитыхъ Англо-Французовъ было до сорока человѣкъ, изъ нихъ четыре офицера. У одного изъ нихъ была точная записка о числѣ десанта. По этой запискѣ, безъ вторично посланнаго десанта съ *Евридики* и *Облигадо* значилось до 800 человѣкъ. Фрегатскія и Камчатскія стрѣлковыя партіи, отбившія ихъ, были въ числѣ до 280 человѣкъ.

На бѣльѣ одного изъ офицеровъ была мѣтка Паркеръ, наружность и одежда его показывали что онъ принадлежитъ къ хорошей фамиліи. На слѣдующій годъ отъ офицеровъ непріятельской эскадры узнали что Паркеръ оставилъ послѣ себя жену и пять человѣкъ дѣтей.... Жестокая судьба!

Двое другихъ офицеровъ были юноши, едва вышедшіе изъ дѣтскихъ лѣтъ. Несчастныя ихъ матери, не суждено вамъ обнять дорогихъ сыновей; спятъ они вѣчнымъ сномъ на чужбинѣ!

Съ молитвами церкви, съ воинскими почестями похоронили своихъ павшихъ братьевъ и враговъ. Два кургана насыпаны неподалеку отъ пороховаго погреба, у подошвы Никольской горы, у самаго входа въ городъ со стороны озера.

Это мѣсто ихъ вѣчнаго покоя. Два креста осѣняютъ ихъ могилы.

На другой день, 25го августа, пароходъ отправился въ Тарьинскую губу, какъ мы узнали въ послѣдствіи, хоронить своихъ убитыхъ. Онъ уже второй разъ туда отправлялся. Въ первый разъ онъ ходилъ туда 21го августа, хоронить англійскаго адмирала Прейса. Онъ или по нечаянности застрѣлился, или умышленно, или былъ убитъ; тогда это было неизвѣстно. Извѣстно что онъ погибъ, и его могила тамъ въ пустынной Тарьинской губѣ, подъ развѣсистою березой; а насупротивъ ея насыпанъ высокій, обширный курганъ, обложенный зеленымъ дерномъ. Это—могила павшихъ 24го августа, которыхъ они успѣли захватить съ собою.

Когда пароходъ ходилъ 21го августа въ Тарьинскую губу, онъ забралъ тамъ девять Американцевъ, рубившихъ дрова; они за годъ предъ тѣмъ бѣжали съ китоловнаго судна, провели зиму въ Петропавловскѣ, и нанялись на торговый американскій бригъ *Noble*, стоявшій еще въ малой губѣ. Отъ этихъ-то Американцевъ непріятельская эскадра, вѣроятно, имѣла подробныя свѣдѣнія о нашихъ оборонительныхъ средствахъ и о численности нашихъ силъ. Эти Американцы ушли на эскадрѣ.

Послѣдующіе затѣмъ дни, то-есть 25 и 26 августа, суда чинились, кренились, задѣлывали пробоины, исправляли рангоутъ. У насъ въ это время также исправлялись поврежденія на батареяхъ.

На полѣ сраженія было найдено 56 непріятельскихъ ружей, отличныхъ, большею частью штуцеровъ; 7 офицерскихъ сабель; взято англійское знамя съ надписью: per Mare per Terram. На другой годъ по вскрытіи льда подъ Никольскою горой въ морѣ было найдено до 30 ружей.

25го числа, когда пароходъ ушелъ въ Тарьинскую губу, а суда всѣ кренились, у входнаго мыса показался нашъ ботъ подъ командой унтеръ-офицера, онъ возвращался изъ Тигиля, куда возилъ продовольствіе. Шлюпка съ маяка предупредила его вовремя о пребываніи непріятельской эскадры, и онъ тотчасъ поворотилъ въ море, гдѣ вблизи Старичкова острова встрѣтилъ два нашихъ судна, направляющихся въ Петропавловскъ. То были: шкуна *Востокъ* и *Байкалъ*; они поворотили въ Большерѣцкъ; ботикъ же скрылся за рифомъ въ ближней Жировой бухтѣ.

Когда 27го августа непріятельская эскадра выходила, она повстрѣчалась съ судномъ Россійско-Американской Компаніи *Ситха* и взяла его. На этомъ суднѣ была почта; она не досталась въ руки непріятеля, такъ какъ командиръ бросилъ ее за бортъ; но за то и мы не получили ея, и были цѣлый годъ безъ извѣстій отъ родныхъ.

30го августа. Послѣ обѣдни мы съ мужемъ ходили въ госпиталь къ раненымъ. Эти блѣдныя лица были искажены болью; но тѣмъ не менѣе всѣ изъявляли такую радость, такое воодушевленіе по случаю славной побѣды. Наиболѣе страдающимъ посылали отъ насъ на первое время все что нужно изъ пищи, чтобы освѣжить и подкрѣпить ихъ. Не могу не вспомнить притомъ нашихъ достойныхъ врачей, выказавшихъ въ то время столько искренней заботливости, теплаго, душевнаго участія къ страдающимъ, готовности пособить сколько возможно; а вѣдь это послѣднее не легко въ въ нашей отдаленной, пустынной странѣ.

Былъ въ числѣ раненыхъ маленькій кантанистъ: по недостатку людей они подавали картузы на батареяхъ; ему оторвало руку. Когда дѣлали операцію, докторъ спрашиваетъ его: „больно тебѣ?“ (Мальчикъ не стоналъ.) „Больно-то, больно, ваше высокоблагородіе, да вѣдь я родился царскимъ слугой, значитъ, не только руку, но и жизнь долженъ за Царя положить.“ Этотъ отвѣтъ ребенка доказываетъ какой духъ былъ вселенъ въ тамошнія команды.

Былъ тутъ между ранеными казакъ Карандашевъ, страшный силачъ; онъ, бывало, кулакомъ камни разбивалъ и вколачивалъ рукою гвозди въ дерево и т. п. штуки. Онъ былъ при полевой пушкѣ; 24го двѣ лошади были подъ ней убиты, онъ ее свалилъ въ ровъ, и оттуда еще разъ навелъ ее и выпалилъ въ нападающій десантъ. Онъ былъ тяжело раненъ, пролежалъ два мѣсяца, но оправившись не потерялъ своей замѣчательной силы.

Жаль было смотрѣть на плѣннаго Француза; онъ былъ страшно израненъ и ужасно страдалъ. Ему всѣ оказывали большое участіе и офицеры даже баловали его, давая ему всевозможныя лакомства; десять мѣсяцевъ бѣдняга пролежалъ и всѣ лазаретные полюбили его.

Не то было съ Англичаниномъ; онъ не былъ раненъ и смотрѣлъ сентябремъ; наши матросики почувствовали къ нему такое сильное предубѣжденіе, что во избѣжаніе схватки

съ Джонъ Булемъ, гдѣ уже численность была бы не на его сторонѣ, онъ былъ отосланъ подальше отъ порта къ богатому Камчадалу въ его деревеньку. Послѣдній обращался съ нимъ какъ съ гостемъ и считалъ себя самого по этому поводу чуть не государственнымъ человѣкомъ.

Не весь нашъ скотъ былъ пригнанъ на хуторъ, нѣкоторыя изъ животныхъ отбились и бродили по горамъ. Двѣ штуки были ранены, ихъ убили, и на радостяхъ у всѣхъ было жаркое. У насъ въ Камчаткѣ свѣжинка бываетъ только на радостяхъ. Даже матросовъ—храбрыхъ молодцовъ—угостили въ волю всѣми земными благами, и повеселились же они на славу....

Въ послѣдствіи Американцы намъ разказывали что непріятельская эскадра, придя въ Санъ-Франциско послѣ пораженія въ Петропавловскѣ, не имѣла достаточно здоровыхъ рукъ чтобы закрѣпить паруса по-военному всѣ разомъ, а закрѣпляли ихъ поочередно, сперва на одной мачтѣ, потомъ на другой и наконецъ на третьей, что̀ на военныхъ судахъ не дѣлается.

IV.

У насъ въ домѣ потолокъ былъ пробитъ въ двухъ мѣстахъ: въ одной изъ спаленъ и въ кладовой, но поврежденія были маловажныя. За то въ саду было множество ядеръ и неразорванныхъ бомбъ. Бомбы вездѣ валялись въ большомъ количествѣ неразорванныя; потому ихъ собирали съ большою осторожностью во избѣжаніе несчастія. Дѣтямъ покуда ихъ любимыя прогулки въ садъ были строго воспрещены.

2го сентября благополучно возвратился корветъ *Оливуца*,—это возбудило общую радость: наше военное судно сохранено.

10го сентября скончался доблестный герой А. П. Всѣ сослуживцы, всѣ знающіе его искренно любили. Съ моимъ семействомъ онъ близко сошелся. Это была такая чистая, любящая душа. Для меня это была тяжелая потеря. Дѣти мои въ первый разъ видѣли смерть близкаго, любимаго человѣка и особенно Жоря былъ въ отчаяніи. Не думалъ онъ что скорѣе всѣхъ насъ послѣдуетъ за оплакиваемымъ дядей.... Теперь скажу съ искреннимъ убѣжденіемъ, счастливъ кто на зарѣ кончаетъ свою жизнь, не извѣдавъ ея горечи, трудовъ,

лишеній, разочарованій, искушеній. Тогда я бо́льшаго ждала отъ жизни, и горько оплакивала родственника, подававшаго такія блестящія надежды...

Тамъ на зеленой Никольской горѣ, на берегахъ пустынной Авачинской губы, на кладбищѣ Петропавловскаго порта стоятъ два бѣлые креста: одинъ большой — это мѣсто упокоенія юнаго героя, подлѣ него другой поменьше—тутъ покоится моя маленькая дочка, умершая ребенкомъ. Березки осѣняютъ ихъ своею тѣнью, дикій шиповникъ разливаетъ свой ароматъ. Простенькая зеленая рѣшетка отдѣляетъ ихъ отъ общаго кладбища. Придетъ ли когда-нибудь помолиться тутъ надъ этимъ прахомъ, въ этой пустынѣ, кто-нибудь изъ близкихъ?..

Курьеръ со знаменемъ и донесеніемъ былъ отправленъ въ Петербургъ на американскомъ торговомъ бригѣ *Noble*, который, привезя товары и готовясь уйти въ море, былъ застигнутъ военными дѣйствіями и потерпѣлъ даже при томъ нѣкоторыя незначительныя повреждения.

Тогда же возвратились изъ лѣтняго плаванія наши транспорты *Иртышъ* и *Байкалъ*.

Воздвигались новыя твердыни въ защиту Петропавловска. Все это весьма скоро принимало совершенно неузнаваемый видъ. Батареи строились крытыя, рыли крытые ходы. На мѣстѣ Краснаго Яра выросъ цѣлый редутъ, обнесенный палисадомъ, окруженный рвомъ. На Сигнальномъ мысу была снята каменная возвышенность, которая такъ вредила во время дѣйствій, и тутъ воздвигнута трехъярусная батарея.

Тогда уже не было веселыхъ, шумныхъ собраній вечеромъ; напротивъ, старшіе офицеры часто собирались у мужа и обсуждали средства обороны.

Въ послѣдствіи, когда непріятель въ 1855 году пришелъ въ Петропавловскъ, онъ отдалъ полную справедливость этимъ укрѣпленіямъ, созданнымъ съ такою желѣзною неутомимостью и съ такою глубокою обдуманностью. Такъ отзывались о томъ сами непріятели въ тогдашнихъ иностранныхъ газетахъ. Какъ бы волшебствомъ въ это время выросли три новыя, большія казармы, три новыхъ офицерскихъ домика, и при наступленіи холодовъ всѣ были уже подъ теплою крышей.

Въ Камчаткѣ чрезвычайно трудно имѣть свѣжую провизію для большаго числа людей. И вотъ мужъ рѣшился послать ботъ съ охотниками Камчадалами, камчатскими матро-

сами и офицерами, въ окрестные заливчики. И какая была радость, когда они возвратились и привезли 30 большихъ горныхъ барановъ и 10 медвѣдей. Эти бараны очень большіе и очень вкусны, какъ лучшая лосина или оленина. Медвѣжье мясо также было употреблено въ пищу, оно похоже на свинину; а нашъ большой запасъ лучшей соленой рыбы былъ сожженъ. Остались сироты, вдовы послѣ убитыхъ; у меня была собрана небольшая сумма отъ лоттерей изъ дамскихъ работъ для основанія женской школы, но такъ какъ сумма была для того недостаточна, то это дѣло и не имѣло дальнѣйшаго хода. Я предложила находящимся налицо жертвовательницамъ, не пожелаютъ ли онѣ эту небольшую сумму опредѣлить на пособіе вдовамъ и сиротамъ и на нѣкоторое продовольственное прибавленіе для содержанія раненыхъ. На это всѣ согласились съ удовольствіемъ, и эта маленькая сумма помогла на первое трудное время.

Я длинныя шестнадцать лѣтъ жизни провела въ этихъ отдаленныхъ мѣстахъ и привыкла къ уединенію и однообразію. Дѣти росли, ихъ ученіе становилось болѣе серіознымъ; мнѣ некогда было думать о скукѣ. Развитіе дѣтей, ихъ ученіе, доставляли мнѣ постоянное, самое разнообразное развлеченіе. Но каково было этимъ молодымъ людямъ, заброшеннымъ въ эту пустыню безъ всякихъ развлеченій, безъ книгъ! Наша библіотека была весьма незавидна.

Вотъ назначается вечеринка, смѣшно назвать баломъ, но тогда говорилось: балъ у губернатора. Идутъ приготовленія, заранѣе говорятъ, даже ангажируютъ дамъ. А у дамъ-то сколько хлопотъ съ туалетомъ! Модистокъ нѣтъ, надо самимъ приняться за дѣло. Вы не увидите у подъѣзда ни каретъ, ни колясокъ; стоитъ нѣсколько *нартъ*, запряженныхъ собаками — это пріѣхали дамы. Пѣшкомъ по снѣгу не пройти, а мущины по большей части приходятъ пѣшкомъ.

Въ 6 часовъ освѣтился домъ, а въ 7 часовъ балъ уже въ полномъ разгарѣ. Капельмейстеръ, играющій лѣвою рукой, понуждаетъ музыкантовъ пилить на своихъ инструментахъ все тотъ же: *Чижикъ, чижикъ гдѣ ты былъ*. Но и подъ эти нестройные звуки весело танцуютъ, шумятъ, болтаютъ. Тамъ неподалеку, комнаты за двѣ, спятъ мои маленькіи дѣти и не слышатъ ни отчаяннаго визгу нашихъ скрипокъ, ни усерднаго топанья мужскихъ сапоговъ. Вотъ послѣ веселаго, шумнаго ужина раздается Камчатская *восьмерка*, въ кото-

рой старые камчатскіе жители принимаютъ самое горячее участіе; это нѣчто въ родѣ стараго экосеса или гросфатера. Одушевленіе общее. Часа въ два-три всѣ расходятся, и долго слышится веселый говоръ идущихъ по горѣ.

И на другой день за обѣдомъ и ужиномъ вспоминаютъ, обсуждаютъ, смѣются, шутятъ.

Какъ новинка манитъ всѣхъ катанье на собакахъ. Какъ описать эту ѣзду? Маленькія саночки въ видѣ плетеной очень узенькой лавочки, сзади и спереди загнутой, она обтянута медвѣжиной и на высокихъ, крѣпкихъ колышкахъ прикрѣплена къ узенькимъ полозьямъ. Сѣдокъ сидитъ совершенно одинъ, либо бокомъ, либо верхомъ; по мѣрѣ надобности онъ вскакиваетъ и направляетъ руками свой игрушечный экипажъ; дѣйствительно, весь экипажъ съ его упряжью весьма похожъ на дѣтскую игрушку; упряжь, разумѣется, самая легкая, изъ ремешковъ. Въ подобный экипажъ съ однимъ ѣздокомъ впрягается хорошихъ собакъ пять, иногда семь. Передовая собака — вожатый: она должна слушаться команды, такъ какъ ни вожжей, ни поводьевъ не приспособлено. *Кахъ, кахъ* — значитъ право; *угъ, угъ* — лѣво; *а, а* — прямо. Но иногда сѣдокъ можетъ кричать сколько угодно; собака заупрямилась и ничего не слушается. Для этого, впрочемъ весьма обыкновеннаго случая, въ рукахъ у сѣдока *оштолъ*—толстая палка съ заостреннымъ, обитымъ желѣзомъ наконечникомъ. Ее изъ всѣхъ силъ втыкаютъ въ снѣгъ предъ санками, чтобъ остановить ихъ. Но не сразу это удается; придется иногда долго бороздить изо всѣхъ силъ по снѣгу; хорошо еще ежели посчастливилось при всевозможныхъ физическихъ усиліяхъ вразумить передовую собаку, куда ей поворотить, или вообще что̀ отъ нея требуется. Но вотъ дорога идетъ подъ гору: какъ разрѣзвившіеся школьники, дружно, безъ удержу летятъ собаки, санки раскатываются то вправо, то влѣво; надо хорошо держать балансъ, а то какъ разъ легкія санки перевернутся и сѣдокъ въ снѣгу. Бѣда ѣхать лѣсомъ, когда вдоль дороги деревья; приходится искусно направлять санки *оштоломъ*, чтобы не шарахнуться изъ всѣхъ силъ то о то, то о другое дерево. Собаки сбросили сѣдока, онѣ не остановятся, и изо всей мочи бѣгутъ далѣе; и вотъ приходится бѣдному сѣдоку бѣжать изо всѣхъ силъ догонять ихъ, чтобы не остаться одному средь снѣжной пустыни, гдѣ проѣзжіе весьма рѣдко

встрѣчаются. Вотъ вылетѣла куропатка, или шмыгнулъ въ кустахъ заяцъ, и противъ воли сѣдока, собаки стремглавъ за ними бросаются — ни крики, ни команда, ни оштолъ, ничто не помогаетъ....

Эта ѣзда требуетъ много ловкости, сопряжена даже съ нѣкоторою опасностью; потому-то весьма многіе изъ молодыхъ людей находили въ ней большое удовольствіе. Мои старшія дѣти—ловкіе ѣздоки, они всегда ѣздили одни на своихъ маленькихъ саночкахъ.

Есть экипажъ для женщинъ, стариковъ и клади: это *нарта*; тѣ же низенькіе дровни, только несравненно длиннѣе и ýже ихъ; и сдѣланы гораздо легче. Съ величайшимъ трудомъ можно посадить двухъ сѣдоковъ, но уже никакъ не въ рядъ, не въ ширину, такъ какъ въ ширину едва одинъ влѣзаетъ. Сѣдоку приходится сидѣть неподвижно, вытянувъ ноги. Нартою правитъ *каюръ*, исправляющій должность кучера, но не легко это ему дается. Онъ съ усиліемъ дѣйствуетъ оштоломъ, безпрестанно долженъ вскакивать, поддерживать нарту, бѣжать подлѣ; однимъ словомъ, хлопотъ каюру гибель.

Вотъ собралось большое общество ѣхать верстъ за десять къ берегу Океана. Санокъ и нартъ штукъ сорокъ. Предъ отправленіемъ визгъ собакъ, крики сѣдоковъ, сборы, хлопоты, дружный хохотъ. Не легко было двинуться въ путь такому большому обществу, особливо при своенравіи собакъ. Поѣхали. Все кругомъ бѣло; на синемъ небѣ рисуются очертанія блестящихъ горъ, слегка окрашенныхъ розовымъ оттѣнкомъ солнца. Снѣгъ блеститъ кругомъ алмазами. Ѣздоки перегоняются, смѣются, шутятъ; вотъ убѣжали пустыя санки, передовые ловятъ шаловливыхъ собакъ; а несчастный ѣздокъ, весь въ снѣгу, съ оштоломъ въ рукахъ, бѣжитъ сзади. Пріѣхали. Грозно смотрятъ черныя воды Великаго Океана; сердито катятъ высокіе буруны свои сѣдые, пѣнистые гребни и съ глухимъ грохотомъ разбиваются о каменныя скалы и утесы самыхъ причудливыхъ формъ. Въ сторонкѣ торчитъ бѣлая вершинка сопки и изъ нея ползетъ черная струйка дыму...... Но вотъ, смотрите, какая славная поверхность озерка; снѣгъ весь смело, гладко, какъ паркетъ; а вѣдь Петербуржцы давно не танцовали на паркетѣ. И на грозномъ пустынномъ берегу Восточнаго Океана составляется веселый кадриль. Дамы и кавалеры въ *кухлянкахъ*; малахаи

на головѣ; *торбаса* на ногахъ, и превесело танцуютъ; по неимѣнію музыки кто-то напѣваетъ.

Но все начинаетъ прискучивать, разнообразія нѣтъ; до почты далеко; и вотъ дружно принялись опять за театръ, который осенью былъ такъ прерванъ. Взялись опять за *Ревизора*, собрали, хотя и съ трудомъ, еще нѣсколько піесокъ. Дамы были такъ любезны что охотно согласились участвовать. Начались очень веселыя хлопоты: стали разучивать роли, строить декораціи, рисовать занавѣсъ. Все устраивалось своими руками; сколько шутокъ, смѣху! Городничиху играла дѣвица, камчатская уроженка, никогда не видѣвшая театра; учить ее этому искусству выпало на мою долю, хотя я и сама только въ дѣтствѣ игрывала на домашнихъ спектакляхъ. Была одна маленькая бѣда: городничиха имѣла неизбѣжный камчатскій выговоръ, и не могла выговаривать *с*; отъ чего у нея люди *свѣтскіе* превращались въ людей *шведскихъ*, что̀ всегда вызывало невольную улыбку и даже способствовало общему веселью. Впрочемъ надо сказать что *Ревизоръ* былъ разыгранъ прекрасно, говоря о мужскихъ роляхъ разумѣется. Время было пріятно занято, скука удалена. Я до сихъ поръ съ благодарностью вспоминаю, какъ всѣ легко воодушевлялись, какъ удачно, просто, беззатѣйливо все шло. Никто другъ на друга не обижался,—жили одною дружною семьей.

Всю эту зиму бывали веселыя вечеринки и у матросовъ, и къ нимъ собирался прекрасный полъ ихъ круга; и у нихъ на вечеринкахъ плясали до упаду, веселились, но все притомъ шло чрезвычайно чинно. И для нихъ выбирали воинственныя піески и сцены, которыя разучивались для неграмотныхъ съ помощью писарей, и возбуждали воинственный, бодрый духъ.

У насъ съ мужемъ все это время шли тяжелыя сужденія. Ему выходилъ въ 1855 году срокъ службы въ Камчаткѣ. До начала войны мы были на этотъ счетъ вполнѣ спокойны. Вѣдь 15 лѣтъ прожили въ этихъ отдаленныхъ краяхъ, пора домой. Дѣтямъ подходило время для серіознаго ученья; меня одной на всѣхъ ихъ не доставало. Но что̀ дѣлать теперь, въ военное время? Оставить его одного и увезти дѣтей? Но это ужасно! Оставаться тутъ—жертвовать дѣтьми! Бывали у насъ тяжелыя, тяжелыя минуты; говорили мы, говорили, но не приходили ни къ какому рѣшенію....

Зимняя почта пришла въ свое время.

3го марта неожиданно пріѣхалъ адъютантъ генералъ-губернатора; онъ привезъ Высочайшія награды за отраженіе непріятеля, и предписаніе, которое перевернуло всѣ наши планы и предположенія. Предписывалось: снять Петропавловскій портъ съ его укрѣпленіями, вооружить всѣ суда, забрать гарнизонъ и не только военныхъ, но и гражданскихъ чиновъ; принять на транспорты семейства какъ первыхъ такъ и послѣднихъ; изготовиться какъ можно поспѣшнѣе и съ раннею весной выйти въ море.

Въ портѣ не было никому извѣстно, куда было предписано идти. Потому какъ между уходящими жителями, такъ и между остающимися ходили самые разнообразные или, лучше сказать, самые несообразные слухи. Говорили что идутъ въ Санъ-Франциско, что портъ переносятъ на устьѣ Анадыра, что всѣ идутъ въ Батавію, гдѣ оставятъ транспортныя суда, военныя же пойдутъ ловить англійскія купеческія суда... Эти и подобные тому слухи были потомъ ревностно распространяемы Американцами, жившими въ портѣ, и сбивали съ толку непріятелей.

Мое положеніе было ужасно. Мужъ не хотѣлъ брать меня съ собою, я ожидала въ ту пору рожденія десятаго ребенка; да и вообще онъ считалъ неудобнымъ брать съ собою такую многочисленную семью, такую мелочь. Онъ рѣшилъ оставить меня съ дѣтьми въ Петропавловскѣ; туда позднею осенью пришло китоловное судно Россійско-Американской Компаніи и зазимовало тамъ. Оно должно было уйти въ море какъ только очистятся льды, и ему поручили завезти меня съ семействомъ на Аянъ; со мною предполагали оставить немногія семейства гражданскихъ чиновниковъ, кончившихъ срокъ службы. Трудно выразить до какой степени ужасало меня это рѣшеніе. Немногимъ въ жизни выпадали на долю такія мучительныя минуты; приходилось разставаться съ мужемъ, готовившимся въ столь опасную экспедицію что на успѣхъ ея представлялось весьма мало шансовъ; я сама должна была оставаться за 12.000 верстъ отъ родины съ десятью малютками на рукахъ, съ весьма шаткою надеждой добраться благополучно до отечества, до настоящей помощи, до родныхъ. Съ тѣхъ поръ прошло болѣе двадцати лѣтъ, но когда подумаю объ этомъ ужасномъ времени, у меня до сихъ поръ кровь стынетъ въ

жилахъ. Все что̀ въ Петропавловскѣ съ такимъ трудомъ созидалось, теперь разрушали. Какой это былъ неимовѣрный трудъ: вырывать изъ-подъ глубокаго снѣга пушки съ батарей, ядра; провозить ихъ по льду, уже невполнѣ надежному; грузить ихъ на суда почти средь зимы. Въ мартѣ еще стоялъ ледъ, для выводки судовъ его прорубали. Забирали все портовое имуществое, все что̀ возможно было забрать, даже петли съ оконъ и дверей, рамы, вьюшки... Работа была ужасная; работали неутомимо: ни снѣгъ, ни мятель, ни слякоть, ничто не мѣшало. Боже мой! сколько горькихъ слезъ, сколько сѣтованій было тогда въ Петропавловскѣ. Многіе изъ служившихъ въ Камчаткѣ обзавелись своими домами; имѣли свое хозяйство, свой скотъ, жили безбѣдно; теперь приходилось все это бросать, бросать задаромъ! Работа кипѣла; но Боже, какъ сердце ныло и болѣзненно сжималось по мѣрѣ того какъ приближалась эта ужасная разлука!

Наконецъ она настала.

2го апрѣля были окончены главнѣйшія работы по нагрузкѣ.

6го апрѣля нашей эскадры уже не было въ бухтѣ,—она скрылась изъ виду.

V.

До сихъ поръ я не понимаю, откуда у меня взялись силы перенести все это... Богъ и эти рыдающія маленькія дѣти вокругъ поддерживали меня. Въ портѣ былъ оставленъ Губаревъ завѣдующимъ оставшимся казеннымъ имуществомъ. Для командованія казаками, ополченіемъ и для главныхъ распоряженій оставался адъютантъ генералъ-губернатора, который привезъ послѣднія распоряженія.

Мнѣ некогда было предаваться горести. При большой семьѣ нѣтъ отдыха и покоя; работа не прерывается; а я должна была, кромѣ того, скорѣе окончить сборы чтобы при первой возможности выйти въ море. Наконецъ 4го мая насъ свезли на судно. Недѣли за полторы предъ тѣмъ у меня родилась дочь. Нѣсколько дней туманъ и противный вѣтеръ не выпускалъ насъ изъ гавани. Но вотъ небо прочистилось; потянулъ вѣтерокъ съ берега; мы стали тянуться изъ губы, какъ вдругъ сигналъ съ маяка: вижу суда въ морѣ.

Еще нѣсколько минутъ и съ маяка дали знать что идетъ непріятельская эскадра...

Губаревъ мигомъ подошелъ съ катерами, забралъ насъ всѣхъ и отослалъ на Авачу. Я была совершенно пассивна, дѣлали со мной что̀ хотѣли. Это новое бѣдствіе отняло у меня всякое сознаніе, парализовало всѣ силы. Даже дѣти молчали; только старшіе мальчики прямо и сознательно взяли на себя заботу о младшихъ. Судно сгрузили и увели спрятать въ одну изъ дальнихъ бухточекъ обширной Авачинской губы; такъ заранѣе приказывалъ мужъ.

Не много шансовъ оставалось для нашего спасенія! Увы, скоро и эта послѣдняя надежда рушилась; непріятель-таки нашелъ и сжегъ судно.

И вотъ мы опять на Авачѣ. Богъ, молитва и дѣти помогли мнѣ восторжествовать надъ моимъ отчаяніемъ. На другой день насъ перевезли на хуторъ. Мы помѣстились въ томъ же крошечномъ домикѣ Мутовина, въ тѣхъ же двухъ комнаткахъ. На всемъ хуторкѣ только и были домикъ Губаревыхъ, домикъ Мутовина, гдѣ мы жили, и еще одна хижинка. Это крошечное селеньице лежало въ котловинкѣ, на самомъ берегу быстрой рѣки Авачи; за прозрачными ея струями разстилалась обширная цвѣтущая долина, въ глубинѣ которой виднѣлась сѣдая сопка Авача. Съ нашей стороны вся котловина была окружена зелеными, лѣсистыми горами; бархатными горами называлъ ихъ мой Жоря.

Это весьма мѣткое выраженіе; необыкновенно мягкій и вмѣстѣ съ тѣмъ свѣжій, роскошный цвѣтъ имѣетъ камчатская зелень; вѣроятно, вслѣдствіе сыраго лѣта.

Потянулись дни совершенно однообразные, одинъ какъ другой. Та же убійственная неизвѣстность, тѣ же лишенія, та же пустыня, не день, не два, но май, іюнь, іюль, августъ.

Нельзя оставить столькихъ подростающихъ дѣтей безъ правильныхъ занятій, столькихъ маленькихъ безъ присмотра; мой день проходитъ въ правильныхъ занятіяхъ со старшими, по окончаніи которыхъ они отправляются бродить по окрестностямъ. Маленькія возятся вблизи нашей хижинки; я сижу на порогѣ хижины, а мысли блуждаютъ далеко, далеко, отыскивая хоть слабый лучъ свѣта среди этого страшнаго мрака неизвѣстности.

Дни еще проходили кой-какъ; но до сихъ поръ я не могу вспомнить безъ содроганія этихъ страшныхъ, томительныхъ ночей; сонъ рѣдко смыкалъ утомленные слезами и тревожнымъ бодрствованіемъ глаза; когда же наконецъ усталый

организмъ бралъ свое, то страшные, безпорядочные сны и видѣнія были мучительнѣе самой безсонницы.

Среди всякаго горя есть своя услада: для меня въ это тяжелое время были истиннымъ утѣшеніемъ дѣти, которыя, чувствуя бѣдствіе, старались всѣми силами доставить мнѣ облегченіе; особливо старшіе помнили завѣтъ отца: берегите маму; и берегли они меня всѣми своими дѣтскими силами, утѣшали, старались ободрить. Въ это время у старшаго развилось расположеніе къ рисованью; онъ неутомимо срисовывалъ всѣ живописныя окрестности Камчатки; очень вѣрно и для самоучки весьма хорошо. Въ послѣдствіи, подъ хорошимъ руководствомъ, онъ съ своихъ собственныхъ эскизовъ, снятыхъ тогда съ натуры, нарисовалъ множество видовъ и и ландшафтовъ, составляющихъ для меня теперь драгоцѣнный памятникъ.

Не обошлось у насъ и безъ матеріальныхъ лишеній; разчитывая быть на Аянѣ нѣсколько недѣль послѣ ухода мужа, я отдала ему всѣ свои запасы, оставивъ для себя только необходимое количество, разчитанное на нѣсколько недѣль. Но какъ на долго суждено имъ было растянуться! Сахару въ продолженіи этихъ мѣсяцевъ мы почти не видѣли; пшеничной муки—также; а равнымъ образомъ и всѣ предметы привозные. Къ счастію рѣка давала свѣжую рыбу въ изобиліи; Камчадалы продавали много дичи, у насъ оставались свои коровы и молока было достаточно.

Но камчатское лѣто холодно и очень дождливо; въ нашей хижинкѣ это было ощутительно; лучшее помѣщеніе было отведено для самыхъ маленькихъ дѣтей; и въ это время мой второй сынъ захватилъ ревматизмъ, который напоминаетъ ему до сихъ поръ чувствительнымъ образомъ наше пребываніе на хуторѣ.

19го мая вошли въ Авачинскую губу двѣнадцать большихъ судовъ, встали на якорѣ, то были: три парохода, пять фрегатовъ, три корвета и одинъ 84хъпушечный корабль *Монархъ*, нарочно для этой экспедиціи вытребованный изъ Англіи. До 19го числа они крейсировали у самаго входа Авачинской губы.

Такая грозная сила собралась для уничтоженія пустыннаго, малолюднаго, отдаленнаго Петропавловскаго порта. Въ этихъ водахъ мы въ тотъ годъ имѣли изъ военныхъ судовъ: фрегатъ *Аврору*, да корветъ *Оливуцу*. Фрегатъ *Діана* погибъ во время страшнаго землетрясенія въ Японіи. О нашихъ старыхъ, заслуженныхъ, нѣсколько неуклюжихъ транспортныхъ

судахъ не стоитъ и говорить; это не военный трофей. Сильно было желаніе союзниковъ отомстить за свое прошлогоднее пораженіе. Геройская отвага, встрѣченная ими, заставила ихъ загнать въ воды Восточнаго Океана до восемнадцати судовъ: въ то время какъ въ Авачинской губѣ стояло одиннадцать съ однимъ 84хъпушечнымъ кораблемъ; шесть судовъ проходило въ заливъ де-Кастри и крейсировало около Амурскаго лимана.

Можно себѣ представить горькое разочарованіе этой грозной армады, при видѣ укрѣпленія безъ пушекъ и людей; опустѣлыя зданія, частію безъ оконъ. Грозно смотрятъ одни каменные утесы, да зловѣщимъ грохотомъ встрѣчаетъ сѣдая Авачинская сопка незваныхъ гостей. Около мѣсяца простояла непріятельская эскадра въ Авачинской губѣ, хотя и не въ полномъ составѣ, такъ какъ бо́льшая часть изъ нихъ вскорѣ ушла въ море. Разрушили они въ свое пребываніе брустверы опустѣлыхъ батарей, сожгли нѣкоторыя зданія. Даже нашей маленькой, ветхой церкви не оказали должнаго уваженія, которымъ всякій христіанинъ обязанъ храму Божьему; и на ней остались слѣды ихъ прикосновенія. На своихъ могилкахъ они поправили курганъ, обложили его дерномъ и обнесли деревянною рѣшеткой. Предъ уходомъ они размѣнялись плѣнными, и имѣли сношеніе съ адъютантомъ генералъ-губернатора.

Во время ихъ пребыванія тамъ, въ продолженіе трехъ недѣль непрерывно гремѣла Авачинская сопка; мы на хуторѣ были близко отъ нея, и слышали неумолкаемые подземные удары, подобные раскатамъ грома. Земля глухо содрогалась и ночью изъ жерла горы показывался зловѣщій огонь.

Дѣти во время стоянки непріятельской эскадры очень часто ходили на хребтикъ; кромѣ того Губаревъ разказывалъ мнѣ все что̀ тамъ дѣлается. Но то уже не былъ тотъ жгучій интересъ какъ прошлою осенью.

Вскорѣ послѣ ухода непріятельской эскадры заходила Американская ученая экспедиція, на двухъ военныхъ судахъ; она въ Авачинской губѣ стояла съ недѣлю, запасаясь дровами и водою; офицеры передавали извѣстіе о кончинѣ императора Николая Павловича; это насъ до такой степени поразило что мы даже не вполнѣ вѣрили.

Протянулось, казавшееся на этотъ разъ безконечнымъ, короткое камчатское лѣто. Насталъ конецъ августа, пришло

торговое американское судно *Берингъ.* Хозяинъ судна, Американецъ Кушинъ, пришедшій на немъ съ товарами, по моей просьбѣ согласился взять насъ съ собою и завезти въ де-Кастри. Онъ привезъ свой обыкновенный грузъ товаровъ, не зная о снятіи порта, и ему при моемъ предложеніи было гораздо выгоднѣе выгрузить его въ населенномъ мѣстѣ, гдѣ можно было предполагать что въ провизіи сильно нуждаются, чѣмъ въ пустынномъ Петропавловскѣ. Выѣхали мы изъ хутора и пришли въ опустѣлый портъ; грустно было видѣть его разрушеніе, его запустѣніе!

24го августа, ровно чрезъ годъ, отслуженъ былъ въ нашей маленькой церкви благодарственный молебенъ за небесную помощь дарованную намъ въ прошломъ году; потомъ служили паннихиду какъ на общей могилѣ павшихъ, такъ и на могилѣ А. П. Не только все оставшееся народонаселеніе опустѣлаго порта, но и многіе Камчадалы и отставные изъ окрестныхъ деревенекъ были тутъ. Всѣ были глубоко тронуты, всѣ плакали.

Прости Петропавловскъ, не забуду я тебя никогда! Не забуду и васъ добрые, простодушные Камчадалы!

29го августа перевезли насъ на американское судно *Берингъ,* гдѣ Американцы оказали намъ искреннее участіе и дали весьма хорошее помѣщеніе. Вышли въ море; засвѣжело; въ позднее время плаваніе бываетъ очень бурное, тѣмъ болѣе въ сентябрѣ, въ эпоху равноденствія. Всѣ дѣти, мои женщины, всѣ лежатъ, я головы не могу поднять, одинъ Кирилло, старый морякъ, балансируя, ухаживаетъ за нами. Три недѣли шли мы, имѣя весьма часто штормъ и крѣпкій вѣтеръ, бо́льшею частью противный. Наконецъ показались грозные, непривѣтные берега залива де-Кастри.

Боже мой, что̀ суждено намъ узнать! пять мѣсяцевъ длилась неизвѣстность; знала я только твердую рѣшимость нашихъ скорѣе умереть, чѣмъ отдать русскій военный флагъ, и видѣла въ Петропавловскѣ непріятельскія силы вдесятеро насъ превосходящія! Видя мое страшное безпокойство, видя какъ дѣти при этомъ мучительномъ ожиданіи тоскливо жмутся ко мнѣ, и Американцы относятся съ искреннимъ сочувствіемъ къ этому ужасному положенію.

Но вотъ отъ берега отваливаетъ шлюпка, гребетъ, пристаетъ къ *Берингу;* морской офицеръ входитъ на палубу.... Языкъ не служитъ чтобы сдѣлать вопросъ. Онъ его читаетъ въ глазахъ и предупреждаетъ его: „Василій Степановичъ живъ и здоровъ“. Слезы неизъяснимой радости брызнули у насъ.

VI.

Для послѣдовательности моего разказа я должна вкратцѣ коснуться того что̀ въ это время было съ мужемъ и съ Камчатскою эскадрой, ушедшею изъ Петропавловска 5го апрѣля, и которую отыскивали такія грозныя непріятельскія силы.

Въ началѣ мая, послѣ весьма бурнаго плаванія, всѣ суда нашей эскадры соединились въ заливѣ де-Кастри. Такъ какъ наши транспортныя суда шли изъ Петропавловска прямо въ де-Кастри, не заходя никуда, то они и пришли ранѣе военныхъ судовъ, которыя, согласно предписанію, заходили на Императорскую гавань.

По мѣрѣ того какъ транспортныя суда приходили, они сгружали свой живой грузъ. Были свезены на берегъ штурманскіе ученики, кантонисты, пассажиры; однѣхъ женщинъ и дѣтей было 236; затѣмъ казначейство, какъ гражданское такъ и морское.

По приходѣ нашихъ военныхъ судовъ, мужъ тотчасъ же занялся промѣромъ, и сдѣлалъ распоряженія касательно военной диспозиціи въ ожиданіи непріятельской эскадры; и дѣйствительно 8го мая показались суда: военный фрегатъ, винтовой корветъ и большой бригъ, всѣ подъ англійскимъ флагомъ. При ихъ появленіи наши суда вступили подъ паруса и заняли, назначенныя имъ прежде, боевыя позиціи. Непріятельскія суда стали приближаться. Винтовой же корветъ сталъ стрѣлять въ нашъ корветъ *Оливуцу*; мой мужъ имѣлъ на немъ свой флагъ. *Оливуца* отвѣчалъ выстрѣлами, и непріятельскій корветъ удалился за мысъ, но потомъ вскорѣ опять показался и былъ встрѣченъ выстрѣлами съ *Оливуцы*; въ это время на транспортѣ *Двина* раздавались пѣсни; наши суда были разукрашены флагами; непріятель могъ видѣть какъ флаги прибивались гвоздями. На всей эскадрѣ гремѣло *ура!* По всему видны были то же непоколебимое мужество, та же рѣшимость, которыя встрѣтили ихъ въ Камчаткѣ. На военномъ совѣтѣ было положено: умереть, но не сдаваться! Непріятельская эскадра медленно удалилась.

Отчего ушелъ непріятель, имѣя и безъ того превосходныя противъ нашихъ силы? *Двину* нельзя было почесть за военное судно; у этихъ господъ былъ опытный глазъ моряковъ, способный отличить транспортное судно отъ боеваго. Глубокое ли уваженіе къ отвагѣ, встрѣченной ими въ прош-

ломъ году въ Петропавловскѣ, побудило ихъ поджидать втрое превосходящую численность чтобы рискнуть на нападеніе?

Послѣ 8го мая непріятельскія суда не показывались болѣе. Офицеръ посланный ожидать проходъ льда въ лиманѣ пришелъ 14го мая пѣшкомъ съ извѣстіемъ что ледъ очистился; онъ оставилъ шлюпку подъ берегомъ, завидя непріятельскій пароходъ.

На 15е мая въ полночь наша эскадра снялась съ якоря, и прослѣдовала въ лиманъ, къ мѣсту своего назначенія, къ Лазареву мысу. Въ этотъ же день, въ 9 часовъ утра американское судно съ остатками команды съ *Діаны* пришло въ де-Кастри, и предувѣдомленное оставленнымъ на берегу офицеромъ объ уходѣ нашей эскадры, благополучно прослѣдовало за нею къ Лазареву мысу.

Къ вечеру показалась значительная непріятельская эскадра; о дѣйствіяхъ ея въ де-Кастри упомяну ниже, такъ какъ появленіе ея произвело переполохъ между женщинами и дѣтьми, свезенными въ де-Кастри на берегъ съ нашихъ транспортовъ.

Не вдаваясь въ подробности, я упомяну только что у Лазарева мыса, по предписанію высшаго начальства, наша эскадра воздвигла сильную батарею; и наша военная флотилія находилась тамъ подъ ея прикрытіемъ до тѣхъ поръ, пока въ началѣ іюля не было приступлено къ проводкѣ военныхъ судовъ въ Амуръ. 5го іюня, мой мужъ былъ назначенъ начальникомъ морскихъ и сухопутныхъ силъ на Амурѣ расположенныхъ.

Николаевскъ долженъ былъ сдѣлаться главнымъ нашимъ пунктомъ на Амурѣ и его прибрежьяхъ.

До сихъ поръ Николаевскъ былъ простой постъ; въ немъ жило человѣкъ 150 или быть - можетъ до трехсотъ, этого я навѣрное не знаю. Его постройки согласовались, разумѣется, съ наличнымъ тогдашнимъ его народонаселеніемъ. Теперь на Камчатской эскадрѣ пришло: все народонаселеніе Петропавловска, 47й экипажъ, экипажъ *Авроры*, остатокъ экипажа *Діаны*, линейные солдаты, пришедшіе внизъ по Амуру. Все пришлое населеніе, разумѣется состоящее главнѣйшимъ образомъ изъ военныхъ, доходило до 4.000 человѣкъ на всѣхъ занятыхъ тогда прибрежьяхъ Амура.

Въ одномъ Николаевскѣ считалось въ томъ году до 2.000 человѣкъ.

Занялись постройкой грозныхъ укрѣпленій въ защиту отъ

непріятеля, не покидавшаго этихъ водъ; въ то же время крайне затруднительную работу представляла проводка глубоко сидящихъ военныхъ судовъ, которыя были разгружаемы транспортными судами, дѣлавшими для того по нѣскольку рейсовъ. Наконецъ въ то же время воздвигался цѣлый городъ, именно къ зимѣ были выстроены въ одномъ только Николаевскѣ до десяти большихъ казармъ, столовыхъ и пекарень; нѣсколько магазиновъ, до десяти офицерскихъ флигелей; большой двухэтажный клубъ съ тридцатью нумерами, для помѣщенія молодыхъ офицеровъ, въ одномъ этажѣ; въ другомъ этажѣ была общая большая столовая, куда всѣ офицеры и чиновники собирались обѣдать, танцовальная зала, библіотека и т. д. Наконецъ для женатыхъ матросовъ и мелкихъ женатыхъ чиновниковъ была выстроена цѣлая слободка изъ 85 хижинъ, въ родѣ русскихъ избъ. Съ іюня по октябрь были созданы батареи, выстроены пороховые погреба, нарублено множество лѣсу для построекъ, надѣлано множество кирпича; наконецъ возникъ цѣлый городъ и съ нимъ вмѣстѣ въ другихъ мѣстахъ возникали отдѣльные посты и поселенія. Не мнѣ описывать все что̀ было тогда сдѣлано и всѣ дружные, единодушные труды и усилія на то положенные.

Потерпѣли въ эту весну и бѣдняжки-переселенцы изъ Петропавловска. Переходъ моремъ былъ бурный; но на суднѣ всѣ вмѣстѣ, все подъ рукой и все переносится легко и сносно: и буря, и качка, и холодъ, и опасности. Въ де-Кастри ихъ свезли на берегъ въ началѣ мая; но тамъ еще мѣстами лежалъ мокрый снѣгъ, мѣстами глубокая грязь. Ихъ свезли просто на берегъ, домовъ еще не было тамъ. О средствахъ для ихъ дальнѣйшаго передвиженія можно будетъ легко судить по описанному ниже моему собственному путешествію по этому мѣсту; понятно что для семейства губернатора даны были всевозможныя пособія.

Непріятельская эскадра, по уходѣ нашей эскадры къ Лазареву мысу, вошла, кажется 15го мая вечеромъ, въ заливъ де-Кастри, стала на якорь и начала обстрѣливать лѣса и утесы; высадила даже десантъ, который забралъ на берегу печеный хлѣбъ (тамъ была наскоро устроена хлѣбопекарная печь), куръ и свиней, свезенныхъ съ судовъ, тѣмъ и пришлось имъ ограничить свои подвиги. Но легко себѣ представить, какъ видъ непріятельскихъ судовъ переполошилъ оставшихся еще женщинъ и ребятъ, съ которыми были только гражданскіе чиновноки; онъ побудилъ ихъ пробираться

по рыхлому снѣгу и глубокой грязи 25 верстъ до озера Кизи; шли разумѣется большею частью пѣшкомъ, такъ какъ оленей для перевозки ихъ было чрезвычайно недостаточно.

По озеру Кизи ихъ доставили на барказахъ въ Маріинскій постъ, и наконецъ въ первыхъ числахъ іюня они пришли уже на баржахъ въ Николаевскъ, гдѣ все лѣто прожили въ палаткахъ.

VII.

Возвращаюсь къ собственному моему путешествію. Свезли насъ съ судна, встрѣтили съ искреннимъ радушіемъ, и готовы были дать намъ въ помощь всѣ средства къ дальнѣйшему передвиженію, да гдѣ взять-то ихъ? Съ нами отправился и Американецъ Кушинъ чтобъ устроить свои торговыя дѣла. Намъ дали двухъ верховыхъ лошадей, да нѣсколько казаковъ, которые несли на себѣ самыя необходимыя вещи. Все остальное народонаселеніе залива де-Кастри принялось за выгрузку *Беринга*; подобная выгрузка должна была совершиться весьма быстро. Непріятель крейсировалъ тутъ все лѣто.

Грустный видъ имѣетъ заливъ де-Кастри; кругомъ скалы, вездѣ поросшія чернымъ, хвойнымъ лѣсомъ, придающимъ всей картинѣ такой мрачный колоритъ. Намъ приходилось идти просѣкой чрезвычайно густаго, но тонкаго и не очень высокаго лѣса, тогда уже обнаженнаго, частію хвойнаго. Было 23е сентября. Американецъ ѣхалъ верхомъ; попробовала и я, вѣдь шестнадцать лѣтъ тому назадъ проѣхала же я сотни верстъ верхомъ; теперь же и одной версты не могла проѣхать, духъ захватываетъ, грудь колетъ; видно не легко легли мнѣ на плечи эти годы. Лучше было идти пѣшкомъ. Тогда было довольно сухо, но тѣмъ не менѣе нога такъ и тонетъ въ глубокомъ мху; каково тутъ было идти въ весеннюю грязь. Травы даже сухой совершенно не видно; сплошною стѣной стоитъ кругомъ густой лѣсъ, а на землѣ вездѣ тотъ же мохъ. Самыхъ крошекъ казакъ везъ въ какой-то ручной телѣжкѣ; всѣ остальныя дѣти и взрослые шли пѣшкомъ. На мою лошадь навѣсили вьюкъ. Цѣлый день шли мы эти 25 верстъ, и уже поздно вечеромъ пришли къ избѣ на берегу озера Кизи, гдѣ и остановились на ночь.

На утро пошли мы по озеру Кизи, сперва на маленькихъ лодкахъ, весьма похожихъ на камчатскіе баты, а потомъ пересѣли на барказы. Мнѣ это путешествіе показалось очень

страннымъ. Озеро очень большое, но такое мелкое что сперва лодки, а потомъ и барказы постоянно становились на мель; люди безпрестанно лѣзли въ воду, и тащили ихъ на себѣ. То уже не были матросы, а сибирскіе линейные солдаты. Тогда это путешествіе меня очень озадачило! Не знаю есть ли тамъ въ настоящее время болѣе удобное сообщеніе. Въ Маріинскомъ посту мы ожидали два дня, пока намъ устроили баржу и мы спустились къ Николаевску.

Наконецъ, послѣ долгой мучительной неизвѣстности мы съ мужемъ были вмѣстѣ. Минуты свиданья не рѣшаюсь описывать. Чувство живо: двадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а мнѣ кажется что вотъ только сейчасъ я все это испытала. Но описать не берусь.

Когда я пріѣхала въ Николаевскъ, онъ представлялъ уже изъ себя значительный городокъ. Палатокъ уже не было, хотя нѣкоторыя зданія были не совсѣмъ отстроены; меня очень поразили торчащіе пни вырубленныхъ деревьевъ по сторонамъ улицы. Тутъ прежде былъ дремучій лѣсъ. Вся мѣстность представляла чрезвычайно унылый видъ. Горы ниже чѣмъ въ Петропавловскѣ; но ихъ очертанія очень однообразны, хвойный, черный лѣсъ покрываетъ всѣ горы и дѣлаетъ видъ еще болѣе угрюмымъ.

Въ де-Кастри едва успѣли свезти грузъ съ *Беринга* какъ опять пришли туда три непріятельскихъ фрегата; они принялись очень усердно обстрѣливать скалы и пустынные берега (когда я туда пришла тамъ были уже три или четыре домика да магазинъ, построенные, кажется, въ этомъ году лѣтомъ; ежели бы они были уже въ маѣ, то непріятель не преминулъ бы ихъ сжечь). Непріятель пробовалъ и теперь высадить десантъ но многихъ барказахъ. Но теперь въ де-Кастри находилась сотня казаковъ и полевая пушка, встрѣтившія десантъ картечью; нѣкоторые изъ десантныхъ барказовъ стали на мель и болѣе не пытались высаживаться.

До сихъ поръ не понимаю, какъ намъ удалось незамѣченно пройти на *Берингѣ*, и при малыхъ средствахъ снять почти весь грузъ. До какой степени онъ былъ для насъ драгоцѣненъ, докажетъ мое послѣдующее описаніе нашей жизни на Амурѣ.

Упомяну еще объ одномъ эпизодѣ, слышанномъ мною въ ту пору. Пробирался къ Амурскому лиману транспортный бригъ Россійско-Американской Компаніи *Охотскъ*, везшій въ Николаевскъ провизію. Какъ вдругъ его стали нагонять непріятельскіе пароходы; гибель неминуема; помощь невоз-

можна; капитанъ садитъ команду на шлюпки; на купеческихъ судахъ команды очень мало; зажигаетъ стапинъ, который у него проведенъ къ пороху, и удаляется на шлюпкахъ къ отмелямъ, которыми изобируетъ устье Амура. Непріятель бросается къ призу, и вотъ призъ привѣтствуетъ его взрывомъ и осыпаетъ осколками!

Капитанъ былъ Финляндецъ, шкиперъ Юзелліусъ, если я не ошибаюсь.

Амурскія воспоминанія не могутъ быть для меня очень ясны, я туда пріѣхала больная, и для того чтобы нѣсколько познакомиться съ жизнію на Амурѣ, я приведу нѣсколько отрывковъ изъ моихъ собственныхъ тогдашнихъ писемъ къ моей матери.

„*23го октября 1855 года.* Мы отдѣлены отъ населенныхъ мѣстъ Сибири необозримыми пустынями. Моремъ къ намъ доступъ затрудненъ крейсирующимъ непріятелемъ. Несмотря на то до насъ по счастію дошло американское торговое судно *Пальметто.* Чрезъ то мы имѣемъ сахаръ, чай, кофе, бѣлую муку, презервы, вино и т. д. Въ компанейскихъ магазинахъ есть солонина и масло. Правда, всего этого далеко, далеко не достаточно, но все-таки хоть что-нибудь да есть. Подсобитъ нуждѣ грузъ *Беринга,* когда его подвезутъ изъ де-Кастри; только это еще не скоро будетъ. Американцы съ рискомъ до насъ добираются по случаю непріятельскихъ крейсеровъ, потому они теперь свои товары цѣнятъ гораздо дороже чѣмъ въ Петропавловскѣ въ мирное время и при хорошей гавани. Мѣстныя произведенія: рыба, стерлядь, осетрина, но она въ рѣкѣ, а не на столѣ; наши рыбаки, не привыкшіе къ такой огромной рѣкѣ и ея условіямъ, не умѣютъ ее ловить. Гиляки же продаютъ ее по моему очень не дешево. Дичи, собственно въ Николаевскѣ, очень мало. Имѣть скотоводство въ самомъ городѣ почти, мнѣ кажется, невозможно. Мѣстность гдѣ расположенъ Николаевскъ есть бывшій густой, непроходимый, болотистый лѣсъ, земля покрыта вблизи толстымъ слоемъ мха. За семь верстъ и далѣе на островкахъ есть покосы, но выгону совершенно нѣтъ. Мы имѣемъ двѣ коровы, а третья пришла со мной изъ Камчатки на *Берингѣ,* она заступаетъ мѣсто кормилицы моей Ани.

„Я уже писала вамъ съ какою искреннею радостью встрѣтили меня наши прежніе сотоварищи, и теперь они оказали мнѣ неоцѣненную помощь. Мои вещи и имущество лежатъ въ де-Кастри; я взяла только самое необходимое для дѣтей;

теперь ихъ перевезти нѣтъ средствъ. Уже заморозки начинаются, по рѣкѣ идетъ сало. Время проходитъ, а всѣ наши близкіе и знакомые знаютъ до какой степени меня безпокоятъ дѣтскіе уроки и занятія. Учебныя наши книги и принадлежности лежатъ въ де-Кастри, вотъ и собрали съ міру по ниткѣ. По счастію для меня, самыя необходимыя книги оказались у нѣкоторыхъ изъ офицеровъ, которые меня ими и ссудили. Кромѣ того, эта часть у меня устроилась отлично. Нѣкоторые изъ штурманскихъ офицеровъ были такъ любезны, взяли на себя уроки со старшими мальчиками и устроили ихъ сообразно требованію Морскаго Корпуса. Это для меня большое облегченіе; кромѣ моихъ дѣтей, еще у меня Петя Губаревъ, котораго родители просили довезти въ Петербургъ и опредѣлить въ корпусъ. Онъ учится вмѣстѣ съ Пашей, они однолѣтки. Домикъ гдѣ мы живемъ чрезвычайно тѣсенъ. Зала, гостиная, столовая—все это одна единственная, весьма небольшая комната; отъ нея же еще отдѣленъ уголокъ для буфета, да еще отдѣлено одно окно, гдѣ учатся мои старшіе мальчики. Посѣтители навѣщаютъ меня поочереди; многихъ наша пріемная вмѣстить не можетъ. Двѣ крошечныя спальни; въ одной нахожусь я, тутъ диванъ гдѣ я цѣлый день сижу съ дѣтьми; по стѣнѣ устроены настоящія корабельныя койки въ два яруса: внизу спятъ трое малютокъ, а сверху ихъ двѣ среднія дѣвочки. Въ другой крошечной комнаткѣ по стѣнѣ опять корабельныя койки въ два яруса: внизу маленькій, а сверху моя старшая дѣвочка, тутъ же няня съ крошкою. Мальчики всѣ трое старшіе спятъ въ нашей пріемной, тамъ огромный корабельный диванъ съ *Паллады*. Устроиться въ нашемъ губернаторскомъ дворцѣ безъ корабельныхъ приспособленій было бы невозможно. Тутъ же у Василія Степановича крошечный кабинетъ. Мнѣ часто слышится у него въ кабинетѣ какой-нибудь рапортъ, а тамъ математическая задача, а тамъ неумѣлое чтеніе среднихъ, да крикъ малютокъ, и все это сливается въ одинъ хаотическій концертъ.

„Тѣсно, уже подлинно хворать не надо, рѣшительно негдѣ. А мнѣ что-то все нездоровится. Какъ я благодарна доброй Екатеринѣ Ивановнѣ, женѣ нашего священника, нашего истиннаго друга. Она уводитъ моихъ дѣвочекъ къ себѣ, учитъ ихъ читать, и занимаетъ ихъ у себя чтобы мнѣ дать нѣсколько покоя. Вообще, меня всѣ стараются наперерывъ успокоить, я это глубоко цѣню.

„Большой двухъэтажный клубъ уже почти готовъ; въ немъ будетъ до 30 нумеровъ для офицеровъ, и кромѣ того, общая столовая, гдѣ будутъ обѣдать всѣ офицеры и чиновники. Это совершенно необходимо, вы не повѣрите какое здѣсь мученіе съ хозяйствомъ. Безъ этого клуба и столовой многимъ бы пришлось голодать. Да и теперь натерпимся мы еще горя!

„Бѣда, мой мужъ постоянно жалуется на боль въ сердцѣ, его сломили труды и заботы.“

„*25го октября 1855 года.* Возвратился казакъ провожавшій Американца Кушина. Одинъ фрегатъ еще стоитъ въ де-Кастри. Два другихъ ушли. Почты нѣтъ, мы писемъ давнымъ давно не имѣли.“

„*29го октября 1855 года.* Страшные здѣсь морозы, такой рѣзкій воздухъ, будто ножомъ рѣжетъ. Всѣ дѣти начинаютъ прихварывать.“

„*1го ноября.* Рѣка стала. Постоянный морозъ и рѣзкій вѣтеръ. Докторъ не велитъ выпускать дѣтей, всѣ мы неладимся, и дѣти, и мужъ, и я. Сегодня открыта въ клубѣ столовая, тамъ первый обѣдъ, и мужъ тамъ. Слава Богу что это устроено. Теперь всѣмъ холостымъ будетъ легче быть сытыми. Нельзя вообразить себѣ какъ трудно здѣсь быть сытымъ.“

„*27го декабря.* Въ первый день праздника я въ первый разъ вышла въ другую комнату послѣ тяжелой болѣзни. Дѣлали ёлку дѣтямъ, украсить нечѣмъ, подарить нечего. Только старшіе подѣлали собственноручно нѣсколько игрушекъ младшимъ; да съ помощью Екатерины Ивановны и ея лоскутьевъ смастерили куклы; у меня и лоскутьевъ нѣтъ, такъ какъ до сихъ поръ не всѣ мои вещи пришли изъ де-Кастри. Она меня очень порадовала: принесла старшимъ на ёлку маленькій микроскопъ, который ихъ чрезвычайно занялъ.

„Тяжелое время! Когда мнѣ очень дурно сдѣлается, я рѣшаюсь вывезти дѣтей отсюда лѣтомъ, станетъ получше,- рѣшимость оставляетъ меня! Здоровье мужа сильно пострадало. Такія бываютъ тяжелыя минуты, а между тѣмъ, мнѣ предписываютъ быть веселой и бодрой духомъ, чтобы скорѣе поправиться.

„Сегодня балъ въ клубѣ и мужъ тамъ. Каждую недѣлю въ клубѣ бываютъ собранія съ дамами и танцами. Развлеченіе хоть какое-нибудь необходимо.“

„*29го.* Сегодня театръ въ пользу раненыхъ; мужъ и старшіе дѣти туда ушли; я еще не могу выходить.“

„*31го.* Сегодня мужъ даетъ вечеръ въ клубѣ. Онъ и старшія дѣти встрѣчаютъ дружною, единодушною семьей Новый Годъ... Что̀ сулитъ онъ намъ? Мнѣ еще не позволено выходить, да и силъ нѣтъ. Правая рука у меня плохо дѣйствуетъ послѣ болѣзни; шить и кроить надо, а совсѣмъ не могу. Наши вещи еще не всѣ пришли изъ де-Кастри, а дѣти обносились.“

„*2го января 1856 года.* Вчера и сегодня у меня было много поздравителей, мнѣ еще больно говорить; но я отъ души тронута тѣмъ искреннимъ участіемъ и привязанностью которую мнѣ всѣ оказываютъ.“

„*7го января.* Вчера у меня былъ утомительный день; въ первый разъ послѣ долгихъ недѣль была въ церкви, потомъ у меня было много посѣтителей, и наконецъ вечеромъ была въ театрѣ. Здѣсь нашъ театръ устроенъ гораздо лучше и наряднѣе чѣмъ въ Петропавловскѣ. Занавѣсъ и декораціи гораздо изящнѣе. Все собственныхъ трудовъ офицеровъ. Выполненіе піесъ прекрасно. Было общее желаніе чтобъ я пошла со всѣми послѣ театра ужинать въ клубъ; но у меня силы не достало. Третій театръ будетъ въ послѣднее святочное воскресенье; я постараюсь къ тому времени поэкономить силы.“

„*9го января.* Вчера былъ послѣдній театръ; играли: *Ветеранъ и Новобранецъ* и нашъ прошлогодній *Ревизоръ*; они были выполнены отлично. Послѣ театра мы всѣ были въ клубѣ, ужинали. Въ большой красивой залѣ накрыты большіе столы; на концахъ четыре самовара; чай разливаютъ четыре дамы. Всѣ сидятъ вокругъ столовъ, которые очень хорошо сервированы; вмѣстѣ съ чаемъ холодная закуска. Вездѣ слышенъ веселый говоръ и смѣхъ; и вмѣстѣ съ тѣмъ это имѣетъ совершенно семейный видъ. И это въ странѣ отдѣленной отъ всего населеннаго свѣта пустынями Сибири на 3.000 верстъ. Послѣ веселой закуски грянула музыка, не *Чижикъ* уже болѣе; здѣсь очень порядочный военный оркестръ, и начались веселые, оживленные танцы.“

„*18го января.* Новая у меня забота. Захворалъ Петя Губаревъ; докторъ боится за тифъ и велѣлъ его отдѣлить отъ другихъ дѣтей. Мой мужъ уступилъ ему свой крошечный кабинетикъ. Теперь онъ принимаетъ рапорты и занимается въ единственной нашей пріемной. Всѣхъ дѣтей на день сбиваю въ моей комнатѣ чтобы хоть въ крошечной дѣтской могли заниматься мои старшіе мальчики. Тѣснота невообразимая, дѣти постоянно ушибаются. За Петей я смотрю сама.

„Здѣсь у насъ докторъ Нѣмецъ, его судьба бросила изъ университетской аудиторіи прямо въ нашу амурскую глушь; ему въ диковинку наши здѣшнія лишенія, и онъ имъ горячо сочувствуетъ. Вотъ онъ вбѣгаетъ ко мнѣ дрожащій отъ мороза и волненія, и яркими красками описываетъ крайность такой-то или такого-то; хоть бы на недѣльку поддержать ее свѣжимъ мясомъ и жизнь спасена, а то все кончено. Въ какой онъ приходитъ неподдѣльный, юношескій восторгъ, когда у меня случится чѣмъ помочь бѣдѣ; ежели же нѣтъ оленины, это вѣдь единственная у насъ свѣжинка, то даю презервы; но презервы эти очень похожи на мочалу. Въ Камчаткѣ у меня было чѣмъ дѣлиться съ нуждающимися, а здѣсь часто буквально послѣдній кусокъ дѣлишь, и не знаешь когда опять добудешь свѣжинки.... Еще хуже съ молокомъ; докторъ умоляетъ хоть не на долго для такого-то ребенка отдѣлить молока. Дѣлишься часто послѣднею каплей. Но что̀ это за помощь, это капля въ морѣ!“

„*19го января.* Послѣ болѣзни меня часто клонитъ ко сну послѣ обѣда, послѣ столькихъ безсонныхъ ночей, а никакъ не уснешь, тѣсно и шумно. Мнѣ давали для укрѣпленія хинину и желѣза, но я просила меня избавить отъ этого. Развивается болѣзненный аппетитъ, утолить который при здѣшней пищѣ нѣтъ возможности. Будешь впередъ сочувствовать голодающимъ, узнавъ это на опытѣ.

„Въ Камчаткѣ мнѣ казалось подъ часъ затруднительно вести хозяйство; но тамъ у меня былъ свой скотъ, дичь, молока въ волю, яйца были всегда. Здѣсь свѣжей говядины нѣтъ, изрѣдка оленина, дичи мало; о молокѣ и говорить нечего; старшія дѣти и взрослые его и не видятъ, яицъ и вкусъ забыли. Овощей нѣтъ. Сахару и чаю далеко не въ изобиліи. Вотъ наши цѣны: сахаръ 50—75 k. фунтъ, крупичатая мука иркутская, не завидная, 5 р. пудъ; хорошая американская 8 руб. пудъ. Плохой американскій ситецъ 40 коп. ярдъ. Понятно что при крейсировкѣ непріятеля Американцы должны за все брать дороже. Осетра Гиляки продаютъ отъ 7 до 11 руб. за штуку. Это наша главнѣйшая пища, но она дурно дѣйствуетъ на здоровье. Камчатскіе ребятишки много хвораютъ и умираютъ. То и дѣло слышишь о гастрическихъ лихорадкахъ, даже о тифѣ; да и климатъ страшно суровъ! Наконецъ наши послѣднія вещи пришли изъ де-Кастри. Взглянула я на мои годовые счеты и расходы и про-

сто испугалась. Ну что̀ дѣлать! Слава милосердному Богу, мои милые, близкіе живы! Къ лишеніямъ не привыкать стать!...

„*21го января.* Одинъ изъ здѣшнихъ штабъ-офицеровъ, по своей добротѣ и участію ко мнѣ, принялъ на себя трудъ сдѣлать экзаменъ старшимъ мальчикамъ, и успокоилъ меня вполнѣ, найдя ихъ успѣхи вполнѣ удовлетворительными. Я это считаю личнымъ для меня благодѣяніемъ, и отъ души ему за то благодарна. Они всѣ знаютъ что это моя главнѣйшая забота; это можетъ доказать вамъ съ какимъ участіемъ всѣ ко мнѣ относятся.

„Теперь идетъ постройка Константиновской батареи. Это гигантскій трудъ, возможный только при желѣзной волѣ и единодушныхъ, неутомимыхъ усиліяхъ: вообразите, на мелкомъ мѣстѣ рѣки вбиваютъ сквозь ледъ сваи; берутъ землю со дна вымерзшей рѣки и образуютъ огромный островъ, гдѣ должна быть батарея, и это при жестокихъ морозахъ и при совершенномъ отсутствіи рабочаго скота. Мужъ встаетъ въ четыре часа утра, занимается бумагами и въ шесть часовъ уходитъ на батарею, это версты двѣ отъ города. Его здоровье очень не хорошо и меня сильно заботитъ. Слава Богу что Петя поправился. Жоря начинаетъ очень хорошо рисовать, благодаря руководству М. Эти уроки составляютъ для Жори истинное наслажденіе, онъ съ такою любовью занимается рисованьемъ и такъ привязался къ своему учителю.

„Когда мое здоровье позволяетъ, я бываю въ клубѣ, гдѣ каждую недѣлю дружною семьей собираются провести вмѣстѣ вечеръ.

„Недавно фигурировала на свадьбѣ, гдѣ, какъ и въ Камчаткѣ, составляю необходимую почетную принадлежность. Выходила замужъ камчатская барышня, женился камчатскій морской артиллерійскій офицеръ. Изъ флотскихъ былъ старшій штабъ - офицеръ посаженымъ отцомъ, я посаженою матерью, да молоденькій мичманъ почетнымъ шаферомъ. Не знаю легкая ли у меня рука; но я на всѣхъ камчатскихъ свадьбахъ нашего общества непремѣнная благословенная мать!

„Здѣсь также какъ и въ Петропавловскѣ устраивались на Рождествѣ матросскіе театры, гдѣ они разыгрывали воинственныя, героическія піески. Дѣлали имъ вечеринки. Бѣдняги работаютъ много; холодъ ужасный, до 30 градусовъ и болѣе бываетъ. Надобно чтобы духъ былъ бодръ."

Этихъ выписокъ достаточно чтобъ обрисовать нашу тогдашнюю жизнь.

Прошу извиненія что рѣшаюсь сдѣлать выписку изъ письма писаннаго въ то время моимъ тринадцатилѣтнимъ сыномъ; оно можетъ служить доказательствомъ какъ велико было сочувствіе у насъ, отброшенныхъ въ угрюмую пустыню, къ славнымъ Севастопольцамъ, какъ пламенна любовь къ далекой родинѣ!

„Милая бабинька,—Радовался я напередъ получить ваши письма и посылки; но увы, мы ни писемъ, ни посылокъ не получили. И такъ какъ Николаевскъ получаетъ очень не много новостей изъ Россіи, то онъ изобилуетъ новостями самородными; такъ на Рождествѣ разнесся слухъ, будто бы Англичане зимуютъ на островѣ Сахалинѣ; для удостовѣренія послали туда офицера, но на повѣрку оказалось что ничего не было.

„На Рождествѣ было очень весело, чему способствовало маменькино выздоровленіе. Наши маленькія дѣти давно уже не видывали игрушекъ и были очень рады деревяннымъ санкамъ нашей фабрикаціи, которыя имъ подарили на елкѣ.

„У насъ на Рождествѣ былъ благородный спектакль, вотъ піесы которыя играли: *Новобранецъ*, *Женихъ изъ Ножевой линіи*, *Сѣдина въ бороду и бѣсъ въ ребро* и *Ревизоръ*. Сцену и занавѣсъ рисовалъ М., онъ и меня училъ рисовать и я его очень люблю.

„Такъ какъ театръ принесъ большое удовольствіе, то располагали и на Масляницѣ сыграть нѣсколько піесъ. Ихъ прочесть собрались у насъ и во время чтенія очень много смѣялись. Тѣмъ оправдалась русская пословица: „Послѣ смѣха слѣдуютъ слезы. Вскорѣ послѣ того пришла почта и привезла горестное извѣстіе: Севастополь палъ. Нахимовъ убитъ. Слушая разказы папеньки, я часто мечталъ что буду служить въ Черномъ Морѣ подъ командою Нахимова; потому горько плакалъ о Севастополѣ какъ Русскій и о Нахимовѣ какъ будущій морякъ. Я очень желаю имѣть портреты: Нахимова, Корнилова, Тотлебена и Истомина, и маменька позволила мнѣ просить васъ ихъ мнѣ прислать."

Такъ какъ дѣти вѣрный отпечатокъ той среды гдѣ они ростутъ, то я этимъ и заканчиваю разказъ о нашей жизни на Амурѣ и о томъ духѣ который одушевлялъ всѣхъ и такъ живо отражался въ дѣтяхъ.

Заключеніе мира принесло съ собою для насъ давно желанное освобожденіе. Для нашихъ преемниковъ въ мирное время не могло быть тѣхъ тяжелыхъ лишеній, которыя выпали на нашу долю.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ на транспортѣ *Иртышъ* пришли мы всѣмъ семействомъ на Аянъ. Аянъ маленькій заливчикъ, очень удобный для лѣтней стоянки судовъ. Мужъ отыскалъ его съ большимъ трудомъ и перенесъ туда въ 1845 году всѣ

заведенія Россійско-Американской Компаніи изъ Охотскаго порта, который по своему опасному бару и устью былъ чрезвычайно гибеленъ для судовъ. Аянскій портъ выросъ на нашихъ глазахъ. Все что̀ тамъ есть построено мужемъ; потому-то я съ особеннымъ чувствомъ смотрѣла на эти зданія, на эту церковь, на эти лѣса и горы, среди которыхъ мы прожили сравнительно съ предшествующимъ спокойное, мирное время. Бывшіе наши тамъ сослуживцы перемѣнились и знакомыхъ лицъ не встрѣчалось. Не всѣ же живутъ въ такой глуши по шестнадцати лѣтъ какъ мы.

Простите отдаленные края! Отъ души желаю вамъ преуспѣянія, жителямъ вашимъ того искренняго единодушія, безъ котораго нѣтъ въ дѣлѣ успѣха и той же непоколебимой вѣрности долгу, которыми были одушевлены всѣ въ мрачную годину испытанія.

Шестнадцать лѣтъ во всякомъ семействѣ оставляютъ грустный слѣдъ! Многихъ не стало! Предшествующія лишенія и тяжелая жизнь отозвались на дѣтяхъ, и долго мнѣ пришлось бороться съ ихъ недугами, пока наконецъ тифъ не унесъ въ раннюю могилу моего старшаго сына. Эта тяжкая, никогда не заживающая сердечная рана понятна всякой матери, испытавшей то же.

Мой второй сынъ захватилъ во время нашихъ тревожныхъ странствованій злой ревматизмъ, почему и не могъ служить во флотѣ; третій по необыкновенной слабости зрѣнія также... Итакъ разбилась самая законная, самая свѣтлая наша надежда, что дѣти будутъ служить во флотѣ, съ которымъ мы такъ сроднились...

Многихъ изъ нашихъ сподвижниковъ не стало! Мы сами состарѣлись и какъ бы умерли для дѣйствительной жизни. Выше описанные труды и смертельныя тревоги душевныя могутъ сломить самое желѣзное здоровье, самыя могучія силы. Потому я и рискнула на закатѣ дней, пока родная мать земля не покроетъ на вѣчный покой и не положитъ конецъ и трудамъ и заботамъ, собрать мои отрывочныя записки и подѣлиться воспоминаніями объ этой тяжелой, но вмѣстѣ съ тѣмъ и славной эпохѣ нашей русской жизни. Всѣхъ и каждаго на Руси одушевляли тогда единодушная, геройская отвага, непоколебимое мужество. Всякъ несъ свою посильную лепту труда и полнаго самоотверженія, свою собственную жизнь, на алтарь отечества!

Ю. ЗАВОЙКО.